ПЕРПЕНДИКУЛЯРНЫЙ МИР

2004

SHOUT
SHARE
IT

- Юлий Буркин
  -
  - Где мы с ней спали
  - Сауна на «Волгаконе»
  - У меня осталась одна радость в жизни…
  - Одесса, балкон
  - Выборы. У Эли.
  - Северск
  - Нашествие геев
  - Полтергейсты с Юпитера
  - Комары
  - Как я бесился
  - За что я люблю N[8]
  - Жребий
  - Алма-Ата
  - Ода Алма-Ате
  - Мимолетный рай в Одессе
  - Мимолетный рай в Алма-Ате
  - Животное
  - Еще чуть-чуть Алма-Аты
  - Вновь на квартире у любовника любовницы
  - «Девочка»
  - Кровожадный уролог и страшная обложка
  - Катаев и «Битлз»
  - Смысл
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

Юлий Буркин
Королева белых слоников

«… Его сослуживцы уже привыкли, что я там все время торчу, считается, что я готовлюсь к поступлению. Во всяком случае, никто ни на что не намекает. Когда все уходят, мы остаемся одни и ведем разговоры обо всем на свете и еще целуемся. Почему-то я не стесняюсь его ни в чем…»

Юлий Буркин. «Вика в электрическом мире»[1]

«… Ну что ж там ангелы поют такими злыми голосами?!»

Владимир Высоцкий. «Кони привередливые»

«… Писатель: Я писатель.
Читатель: А, по-моему, ты г…о!
Писатель стоит несколько минут потрясенный этой новой идеей и падает замертво. Его выносят…»

Даниил Хармс. «Четыре иллюстрации того, как новая идея огорошивает человека, к ней не подготовленного»

Когда я валялся на больничной койке, с брюхом вспоротым здоровенным китайским ножом, а заплаканная Элька сидела рядом, я говорил: «Я еще напишу о нас книгу. Это будет эпохальный роман. Со счастливым финалом. Роман о Великой Любви. Читая его, девочки будут рыдать, а мальчики дрочить…» Возможно, так бы оно и было, но финал не удался, Великая Любовь не получилась, и за этот текст я взялся лишь десять лет спустя. И, похоже, вместо грандиозного романа это будет лишь небольшая повесть.

* * *

Часто, после того, как Эля звонила мне и говорила, что скоро приедет, я, сгорая от нетерпения, запирал кабинет и раскладывал на столе коллекцию ее фотографий. Их у меня было штук тридцать. Я рассматривал снимки, и это помогало мне дождаться ее, не свихнувшись. Она стучала в дверь кабинета, я открывал. Она входила, озаряя собой комнату, бросала взгляд на усыпанный фотографиями стол и неизменно повторяла:

– Маньяк.

Она только что окончила школу, готовилась в университет на журналистику и забрела в нашу редакцию, чтобы сделать несколько необходимых для поступления газетных публикаций. Сраженный ее глазами цвета небесной невинности и прической «взрыв на макаронной фабрике», я вызвался ей помочь.

Но мне казалось, что это не я чему-то учу ее, а она меня. Или так оно и было? Наверное, мы оба учили друг друга, учились вместе, друг у друга – любить. То есть, получать от жизни кайф. Это было не совсем нормально, при том, что я был женат, и у меня было двое сыновей. Но не я тут первый, не я последний.

Где мы с ней спали

Сейчас у человека, желающего провести час-два с женщиной, проблем нет. Сейчас тебя поселят в гостиницу или запустят в сауну, не заглянув в паспорт… Я выпрашивал ключ от квартиры у кого-нибудь из холостых друзей на то время, пока он был на работе.

Сперва это была общежитская комнатка журналиста Сергея Черноярова. Обычно, когда мы шли туда, по дороге Эля покупала себе бутылку молока: для поддержания сил. И даже это возбуждало меня, напоминая, что ей – шестнадцать, против моих двадцати шести. Я себе казался тогда очень старым.

Собственно, именно у Черноярова мы впервые и добрались до постели. Мы «дружили» целых полгода. Потом стали целоваться, стали вечерами оставаться у меня в кабинете и торчать там до позднего вечера. Понемногу наши обнимания и целования приобрели нешуточный характер, и я понял, что безумно хочу ее, а на остальное мне наплевать.

А тут, как раз накануне моего дня рождения, Чернояров поехал в командировку, и я впервые выпросил у него ключ. Я пригласил ее. Она спросила, кто там будет, и я ответил, что будем только мы вдвоем. Эля посмотрела на меня чуть испуганно, но сказала: «Я приду». Позднее она говорила, что примерно представляла, что там может произойти, но надеялась, что до этого все-таки не дойдет.

Она пришла. Уже был готов импровизированный столик на двоих – бутылка шампанского, яблоки и сыр. Меня потрясывало. Я стал открывать шампанское и не смог: сильно дрожали руки. Тогда я додумался проткнуть пробку вилкой. Шампанское тонкой струёй ударило в потолок. Все это было ужасно глупо, я выглядел идиотом. Элька смотрела на меня насмешливо.

Держа бутылку, как огнетушитель, я попытался наполнить бокалы этой тоненькой струйкой, но выходила одна сплошная пена. Кое-как мне все-таки удалось добиться того, что на донышках бокалов что-то заплескалось. Мы выпили за меня, я поцеловал ее. И тут я понял, что тянуть больше не могу. И заявил: «Мы сейчас начнем с того, чем все равно должно кончится…»

Она смотрела на меня своими удивительными безмятежными глазами, словно говоря: «Я, конечно, в твоей власти, но ты же не такой…» Но я был такой. Не слишком, но такой. Я снял с нее кофточку, стал целовать грудь… И тут увидел нечто, что чуть было не охладило весь мой пыл. Я увидел на ее левой груди расплывчатое пятнышко-родинку.

За несколько лет до этого я написал что-то вроде маленькой повести под названием «Пятна грозы»[2], и там, словно Галатею, создавая в мечтах возлюбленную, я нафантазировал именно такую родинку. Именно на этом месте. Но я отогнал от себя наваждение и, укрепившись в своем решении, мол, «судьба», полез расстегивать её знаменитые штаны. Это были очень смешные штаны, полосатые, по форме напоминающие галифе. Элька сама изобрела и сшила их.

Она вцепилась в замок-молнию и стала взволнованно говорить о том, что, если я не прекращу этого, она больше никогда ко мне не приедет. Но я вел себя, как баран, да я и есть Овен. Мы стали бороться, и я сумел-таки стянуть с нее брюки и трусики, но она то и дело совершала какое-то хитроумное передергивание бедрами, и желаемое мне не удавалось.

Ответственности «за растление несовершеннолетней» я не боялся. Потому что знал: она на меня не заявит, ведь никакое это не «растление», а любовь. Причем, взаимная. Просто, я – старше, и инициатива должна исходить от меня. Но меня мучил страх ее потерять, я боялся, что она не шутит, говоря, что никогда больше не приедет. У меня даже почти пропало желание.

И все же упрямство и другой страх – страх опозориться в ее глазах – заставляли меня продолжать борьбу, и в какой-то момент она замерла с открытыми от ужаса глазами, а я понял, что она действительно еще девственница, но на этом все и кончилось. Я вообще-то спрашивал ее раньше, был ли у нее кто-нибудь, она отвечала как-то уклончиво: например, – «ну, кое-что было…» или «не совсем…» Потом она объяснила, что стеснялась признаться в своей неопытности.

Одеваясь, она говорила: «Ну, ты даешь… От тебя я не ожидала…» Но на её лице не было ни злости, ни обиды. Я проводил ее на автобус, и мы договорились встретиться послезавтра. Правда, она сказала, что не уверена, захочет ли приехать. Но, она приехала, и мы опять пошли к Черноярову, и я раздел ее уже без борьбы… Ей вновь было больно, но на этот раз я был в форме, и «со второй попытки» я все-таки лишил ее девственности окончательно.

Мы уже давно встречались с ней каждый день, теперь мы при этом стали еще и заниматься любовью. Каждый день и подолгу. От нее пахло молоком, и она отзывалась на малейшее мое движение. Она вся словно была сделана из эрогенных зон. Любое прикосновение заставляло ее вздрагивать, всхлипывать. Она кусала до крови губы. В какой-то момент она начинала трахаться дико, как автомат – сильно, без остановки, будто тело уже было

не ее. Потом срывалась на истерику и рыдала. Я спрашивал, что с ней, и она отвечала: «Не знаю…» И пыталась улыбнуться.

Я просто сходил с ума.

Обычно в постели мужчина и женщина – полноправные партнеры. Каждый стремится получить удовольствие и доставить удовольствие другому. Такое сотрудничество приводит к тому, что остаются довольны обе стороны. Но с Элькой все было не так. Она не была партнером, она была безвозмездной стихией. Она ничего не хотела ни для себя, ни для меня, она вообще не думала, она растворялась во мне и растворяла меня в себе.

После комнаты Черноярова была квартира фотографа Жабина. Потом квартира моего друга журналиста Кости Попова, потом квартира моего одногруппника Балашова… Короче, пять лет. Были не только квартиры, но и разные экзотические места. Например, крыша областной партийной газеты «Красное знамя». Элька как-то пришла ко мне часа за три до окончания моей работы, она думала, я смогу сбежать с ней на пляж, но я не смог. У нее с собой было одеяло, и я придумал отправить ее загорать на плоскую крышу редакционной девятиэтажки. Нашел завхоза, выпросил у него ключ на чердак… Загорала она само собой голая, никто ведь не увидит… Как вы думаете, долго я высидел в кабинете, зная, что моя любимая женщина лежит нагая в двух шагах от меня?..

Или вот еще. Сейчас в этом здании находится ресторан «Б-52», а тогда там располагалась университетская кафедра журналистики, где Элька училась. Сторожем был пацан из ее группы, и, если нам некуда было пойти, мы, захватив пару бутылок вина, шли туда, трахаться на столах, за которыми днем она училась или сдавала какие-нибудь зачеты. Ей-богу, сейчас, превратившись в «злачное заведение», это помещение стало много целомудреннее.

Знаете, как бы глупо это не прозвучало после столько раз повторенного мною слова «трахаться» и натуралистической картинки нашего первого сексуального опыта, самым главным чувством, которое я испытывал, когда мы оказывались вместе, было не влечение, а ощущение свежести, света и чистоты.

… Мы использовали любую возможность побыть вместе. Меня, как журналиста молодежной газеты, отправили учиться в ВКШ. Эля примчалась в Москву. Она нашла там какую-то дальнюю родственницу, и та на пару дней пустила нас к себе. У Эльки, как назло, были месячные, но мы подстелили под простыню снятую со стола клеенку, и вскоре наша постель напоминала стол мясника… А для моей жены такие дни означали

полное вето на секс.

Когда меня забрали на армейские сборы в Новосибирское Политическое Училище, Элька приехала туда. Я сумел взять увольнение, и почти целые сутки мы провели в гостинице «Золотая долина» новосибирского Академгородка. «Почти» потому, что, сличив наши паспортные данные, администраторша среди ночи устроила дикий скандал. Я попытался дать ей взятку, но она от этого рассвирепела еще пуще. В результате мы с Элькой до утра болтались по зимним улицам Академгородка, а потом вернулись в гостиницу отсыпаться и греться. Ведь с утра и до 11.00 никто не мог запретить мне приводить в свой номер «гостей»…

Нам было наплевать на все, лишь бы быть вместе.

Пять лет я жил этой двойной жизнью. Люди смотрели кино «Осенний марафон» и смеялись, а я с трудом сдерживал слезы. Очень тяжело и больно обманывать двух женщин в течение пяти лет. И это не смешно. Если в одну ты влюблен по уши, а другая – мать твоих любимых сыновей.

* * *

Да, это была моя вторая жизнь, наполненная счастьем и бедами. К тому времени по журнальным публикациям меня уже знали любители фантастики, и моя жизнь в большой степени слилась с жизнью Фэндома – мира отечественной фантастики. Я начал постоянно мотаться на различные «конвенты»[3] и фестивали, иногда прихватывая с собой Элю. Это были дни ворованного счастья, ведь дома оставались жена и двое пацанов. А совесть молчала, было только голимое счастье.

Сауна на «Волгаконе»

Вот и в Волгоград на конвент «Волгакон» я приехал с Элей. В подвале «Интуриста», где мы расположились, обнаружилась небольшая сауна. Я подошел к ее заведующему – пожилому узбеку:

– Скажите, а можно к вам в сауну прийти с девушкой?

С сильным акцентом тот отозвался:

– И конечно, это не ваша жена?

– Конечно, – ответил я, уже представляя унизительную процедуру сверки штампа в паспорте с Элиными данными и собираясь уходить. Но узбек продолжил:

– В Советском Союзе это невозможно. У меня это стоит двадцать пять рублей…

У меня осталась одна радость в жизни…

Был конец октября. Мы с Элькой приехали в Юрмалу, в Дубулты на семинар молодых писателей-фантастов. Я был там уже во второй раз и, помнится, сильно рассердил одного из организаторов – милейшую Нину Матвеевну Беркову – тем, что приехал не один. Однако все обошлось.

Было классно. Мы жили в Доме творчества имени Райниса. По утрам мы выходили прогуляться вдоль берега Балтийского моря. Небо с утра было налито свинцом, с моря дул ветер, и мы шли, кутаясь в куртки и прихлебывая из бутылки кофейный ликер «Мокко».

Времена были не очень-то богатые: нас – фантастов – еще не печатали, а так как все мы ничем другим серьезно заниматься не хотели, то были бедны. Халявный дом творчества был подарком от Союза Писателей и инициативной группы. Наши вечерние посиделки в какой-нибудь из комнат были хоть и веселыми, но довольно скудными: принесенные из столовой остатки ужина (пять-шесть котлет и тарелка нарезанного хлеба), какие-то, оставшиеся от дорожных припасов, консервы и, наконец, водка, на которую мы периодически скидывались.

Помню второй день моих вторых Дубултов, когда в разгар такого небогатого пьянства в комнате появились два днепропетровца – Саша Кочетков и Саша Левенко, открыли свои дорожные сумки и достали шмат сала, солидный запас домашней копченой колбасы, трехлитровую банку домашнего же овощного рагу и бутылку горилки. Это был праздник.

А на следующее утро Кочетков еще раз поразил меня. Мы с Элькой, как повелось, вышли на берег… И тут из гостиницы выскочил Саша – стройный, подтянутый и загорелый – в трусах, вприпрыжку побежал к морю и, не замедляясь, вбежал в маслянистую от холода гладь. Мне даже смотреть на это было зябко. А он, набултыхавшись в пенистых приливных волнах, так же вприпрыжку убежал обратно в Дом творчества.

Кстати, ему первому я дал тогда рукопись только что написанной повести «Бабочка и василиск»[4]. Саша сказал мне: «Эта вещь страшна тем, что в ней ты достиг совершенства, и в этом стиле, не повторяясь, писать ты больше не сможешь». Я поверил ему и больше в этом стиле не писал. Зря, наверное. Но вообще-то рассказать я хотел совсем о другом.

Случился там с нами забавный эпизод. Мы сидели в баре и

пили кофе, когда к нам подсел какой-то старикан, лет не меньше восьмидесяти. Его бледный веснушчатый череп был покрыт редкими седыми волосками. Хлебнув коньяку, он обратился к нам:

– Молодые люди, а известно ли вам такая фамилия – Славичус[5]?

– Нет, – признались мы.

– Как это печально, – покачал головой старикан. – А когда-то я был самым популярным писателем Прибалтики. Меня узнавали в лицо, а не то, что по фамилии… Теперь же в моей жизни осталась одна-единственная радость. – Помолчав, он придирчиво оглядел нас и закончил: – Секс.

Мы с Элькой чуть не свалились со стульев.

Интересно, шутил он или нет? Молодец, в любом случае.

Одесса, балкон

Иногда на лето Эля уезжала в Одессу к сестре Ленке. Я звонил ей каждый день или через день. Старался говорить по телефону с работы, из редакции, иначе счет за межгород мне домой пришел бы астрономический. А потом меня неожиданно выбрали в число делегатов учредительного съезда Союза Журналистов России. Я поехал. Остановился по брони в гостинице «Россия».

Шикарно. Из окна видна Красная площадь. В комнате на двоих – японский телевизор с дистанционным управлением. В буфете – пиво и сосиски… Сосиски раза в два дешевле, чем в городе. И дают без ограничений. Это в то время, когда в одной московской столовой я наткнулся на объявление: «Норма отпуска сосисок. Мужчинам – 3 шт. Женщинам и детям – 2 шт.»

И пиво! А у нас в Томске на год раньше, чем по всей стране, развернулся лигачевский сухой закон. Пивзавод угробили. Я пива не пил уже год. Если бутылочное привозное где-то и выбрасывали, оно в пять минут сметалось обезумевшей толпой… Я сразу спросил у буфетчицы:

– У вас пиво всегда, или оно иногда кончается?

– Иногда кончается, – призналась та.

– Тогда дайте двадцать бутылок. И десять сосисок.

Буфетчица странно на меня посмотрела и дала. Я сел за столик и стал под сосиски тупо опустошать бутылку за бутылкой, решив: что останется, унесу в номер. На меня и батарею бутылок на моем столике косились. К тому моменту, как я одолел десять бутылок, я уже понял, каким выгляжу идиотом. «Иногда кончается» буфетчицы означало лишь то, что иногда возникала пауза в две-три минуты: пока грузовой лифт везет бутылки со склада…

Мой сосед по номеру был глухонемым. Делегат учредительного собрания Российского Общества Глухонемых… То есть, моя полная противоположность.

Я сходил на первое заседание нашего съезда и понял, что умру с тоски. Деньги были, я безумно соскучился по Эльке и решил на время съезда слинять в Одессу. В принципе, я задумал это еще в Томске, решив, что сбегу в Одессу, если будет неинтересно. Было более чем неинтересно. Было просто омерзительно.

Я взял билет до Одессы на следующий день. Его цена как раз соответствовала сумме, сэкономленной на гостинице. Таким

образом, к Эльке в Одессу я ехал за счет новорожденного (мертворожденного) союза.

В запасе у меня был целый вечер, и провести его я решил со старым знакомым – музыкантом Валерой Килиным. Он работал в это время в Москве, в ресторане «Спектр». Играл в группе, а между песнями исполнял классическое фламенко на акустической гитаре.

С ним меня связывало и одно неприятное воспоминание. Я, Элька, ее подруга Таня и Валера Килин два года назад столкнулись на застолье у моего знакомого Андрея Кахаева. Пили, танцевали под магнитофон. Валера пригласил Эльку, они стали танцевать… В какой-то момент я оглянулся и увидел, что они целуются. В губы. Я не мог этого видеть. Я подскочил к ним… Драться с Валерой? Но с какой стати? Ему понравилась эта девушка, так она и мне нравится. Я его прекрасно понимал… И тогда я ударил Эльку.

Потом было много слез, объяснений, признаний, разборок, извинений… Но осадок остался у всех отвратительный. И виноват был, конечно, я. (Блин! Да как я ухитрялся разыгрывать все эти сюжеты, в то время как дома меня ждала ничего не подозревающая жена и пацаны? Просто удивляюсь. И вспоминаю с ужасом.) Мне хотелось как-то замять тот инцидент. Все-таки, я считал его своим другом, а ту историю – досадным недоразумением.

Я съездил в «Спектр», нашел Валеру, и мы договорились, что он придет ко мне сразу после работы – часов в одиннадцать. Я придумал, как протащить его мимо бдительного портье, потом мы намеревались выпить пару бутылок коньяку, а оставшийся кусок ночи проспать на моей (благо, обширной) кровати.

Случилось так, что именно в этот вечер с теми же намерениями приволок к себе друга и мой глухонемой сосед. Сначала мы пили порознь. Потом вместе. Это было довольно прикольно, бухать с глухонемыми: мы писали тосты на бумажках, беззвучно улыбались друг другу, жали руки… Было очень тепло и уютно. Душевно.

Назавтра я улетел в Одессу. Прибыл туда поздно вечером. Нашел дом по записанному адресу. Окраина. Позвонил снизу, с телефона-автомата, который висел на стене подъезда. Напомню, что из Томска я звонил ей каждый день, но говорили мы мало: дорого.

… Трубку сняла Элина сестра Ленка. Позвала Эльку.

– Чего так поздно? – спросила та, уверенная, что я звоню из Томска.

– Соскучился.

– Я тоже…

И мы ворковали так минут десять. Потом она сказала:

– Ну ладно, давай заканчивать, а то разоришься.

– Ну и пусть, – заявил я, – не хочу заканчивать…

Мы проговорили еще с полчаса (!), раз сто признавшись друг другу в любви. Элька даже всплакнула. Потом шмыгнула носом и спросила:

– У тебя что, бабушка в Америке умерла? Ты уже на свою месячную зарплату наговорил…

– А ты бы хотела меня увидеть? – спросил я. – Прямо сейчас.

Элька снова заплакала:

– Хотела бы… Зачем дразнишься…

– Тогда спускайся вниз, я тут, в подъезде стою…

Она чуть с ума не сошла.

… Выяснилось, что Ленка живет в малюсенькой однокомнатной квартирке с мужем по фамилии Мишек и двумя «медвежатами». Элька спала у них на полу… Вдвоем мы там спать не могли, потому что, понятное дело, трахались бы всю ночь, как морские свинки, и не давали бы спать хозяевам. Так что мне постелили на балконе. Но в середине ночи, когда Мишеки вроде бы заснули, она переползла ко мне. В итоге все эти дни мы с Элькой прожили на балконе. Странно, что он не обвалился. Позже, когда я уже уехал, Ленка выяснила, что мы на этом балконе были бесплатной порнопрограммой для всех ее соседей.

И все-таки я немного поспал под утро первой ночи в Одессе. А когда проснулся, не поверил своим глазам: прямо напротив балкона стояло дерево, усыпанное здоровенными желто-розовыми плодами. И вдоль шоссе таких деревьев было много. А когда я уезжал из Томска, там еще лежал снег.

Я впервые был на Юге. Я был слегка пьян. Я всю ночь занимался любовью. Я решил, что я в раю. Я разбудил ее:

– Элька, это что? Яблоки? Абрикосы?

– Какой ты глупый! – сказала она. – Это же каштаны!

И снова уснула. А я окончательно уверился, что я в раю. Я много раз читал в книжках про печеные каштаны. В мое сибирское сознание не укладывалась возможность того, что вот так, дико, на улице, может расти столько вкусной еды. Потом, правда, выяснилось, что эти каштаны несъедобные, кормовые.

Ощущение подтвердилось и днем, когда мы отправились в Отраду – купаться в море и жрать креветки с пивом. Креветки продавали бабушки, стаканами, высыпая их в кулечки, как у нас продают семечки… Это было чудо. А когда мы ехали по канатке, мне показалось, я попал в кино, ведь тогда как раз только-только

вышел фильм «Асса» с Гребенщиковской песней «Под небом голубым».

* * *

Я привез с собой в Одессу окончательно отредактированную рукопись повести «Бабочка и Василиск». Я очень хотел, чтобы ее прочла Элька, ведь эта книга родилась из нашей любви[6], хотя реальных событийных параллелей между ней и нашей историей почти не было. Днем мы пошли на работу к Мишеку – в редакцию газеты «Одесский рабочий». Надо отметить, что название это являет собой пример оксюморона – – сочетания несочетаемых слов. «Сладкая соль», «еврейский крестьянин», «одесский рабочий»… Только мы пришли, Мишеку срочно понадобилось куда-то слинять, и он ушел, оставив нам ключ от кабинета. Думаю, он сделал это из вежливости, понимая, что его общество нам не так уж и необходимо.

На улице было жарко, но в кабинете – довольно прохладно. Мы сначала целовались, занимались чем-то вроде петтинга, а потом решили попить пива. Рукопись «Бабочки» у меня была с собой. Я сделал так: посадил Эльку за стол читать текст, а сам пошел покупать обратный билет в Москву. Вернуться в редакцию должен был с пивом. Чтобы никто в кабинет не вломился, я закрыл Эльку снаружи, и ключ взял с собой.

Одесса. Я люблю этот город за его пропитанные солнцем мостовые, за увитые плющем балконы, за потрескавшиеся белые стены домов, которые словно бы вылеплены детьми. За большегрудых южных девушек, на которых я, правда, только глазел… Но одесситы меня часто раздражали. Прежде всего, своим неуемным желанием шутить, когда это уместно и когда неуместно.

… Я ехал в трамвае к вокзалу. Неожиданно трамвай остановился между остановками, водитель, ни слова не сказав, вышел и удалился прочь. Минут пять я сидел молча, думая: может быть тут так заведено? Я обернулся к пожилой женщине позади меня.

– Извините, – обратился я к ней, – долго ли трамвай будет стоять?

– И это вы спрашиваете меня? – всплеснула руками одесситка.

– Может, вы знаете…

– Послушайте, что вы от меня хотите?! Я такой же пассажир, как и вы, и я нахожусь в таком же недоумении!

Я решил подойти с другой стороны:

– А далеко ли еще до вокзала? Как вы мне посоветуете: выйти и добраться до него пешком или ждать водителя?

– Разве вы сами еще не поняли, что такой водитель может не прийти вовсе?

– А в какую сторону мне идти?

– Идите, куда хотите.

– Я хочу на вокзал, – напомнил я слегка раздраженно.

– Идите по рельсам, не ошибетесь.

Так я и сделал. Но метров через сто я добрался до аккуратной развилки. Одесская ведьма не удосужилась предупредить меня об этом. Куда я должен идти – налево или направо? Я остановил проходящего мимо мужчину:

– Простите, вы не могли бы мне подсказать, куда мне идти, если я хочу добраться до вокзала – налево или направо?

Мужчина мило улыбнулся:

– Видите, позади вас трамвай? Если вы сядете на него, вы попадете прямиком, куда хотите.

– Дело в том, что я только что сошел с этого трамвая, так как он, по-видимому, сломался.

– Ну, это уже ваши проблемы, – развел руками мужчина, и, довольный собой, похохатывая, удалился.

Очень хотелось его догнать и набить морду. Да время не позволяло.

… Нашел вокзал, купил билет, купил пиво, вернулся часа через два с половиной, открыл кабинет… Я еще никогда не видел Эльку такой зареванной. Рукопись «Бабочки» была мокрой насквозь. Вот тогда я утвердился в мысли, что я и впрямь написал хорошую вещь. Может быть даже гениальную.

Выборы. У Эли.

Так шли день за днем. Год за годом. Наверное, Штирлиц столько не врал немцам и не изворачивался, сколько изворачивался и врал я. В начале я думал, что это не любовь, а увлечение, думал, это скоро пройдет, и тогда вместе с разочарованием наступит и облегчение, а главное – упрощение. Но этого не происходило. Я любил все сильнее, я хотел все больше времени проводить с Элей, а потому врал все больше, и напряжение, которое, правда, чувствовал только я один, все росло и росло. Я выдерживал только потому, что был перезаряжен любовью.

Струна натягивалась все туже, звучала все более щемяще. И однажды она лопнула. Эля опять была в Одессе, я скучал. Она позвонила мне домой, и именно я подошел к телефону. Но не смог разговаривать с ней деловым тоном, не смог сказать: «Я вам перезвоню»… Я понимал, что жена слышит то, как я разговариваю. Дело ведь было даже не в словах, а в интонациях. Крышу у меня снесло напрочь.

И потом, на вопрос, – «С кем это ты так мило беседовал?», я ответил: «С любимой».

* * *

Было много боли, много слез. Но я твердо решил разводиться. Это решение носило, скорее, инфантильный характер: я твердо знал, что хочу быть с Элей. А жена была не из тех, кто мог бы терпеть наличие любовницы. Но тут встала бытовая проблема. Мы с женой жили у моих родителей. Я не мог ее «оставить», я мог лишь вынудить уйти ее. А уйти, точнее, уехать вместе с пацанами она могла только к своим родителям – в умирающий городок Балей Читинской области. Это было неприемлемо, значит, я должен был срочно обеспечить ее и детей квартирой.

В те времена люди десятилетиями не могли решить «квартирный вопрос», а я вознамерился решить его моментально. Но «мы выросли в поле такого напряга, где любое устройство сгорает на раз…» Говорят, при пожаре люди выносят на себе сейфы, которые потом не могут даже приподнять. Так и у меня в экстремальной ситуации вдруг обнаружились такие залежи хитрости, о существовании которых я даже не предполагал.

Эля, которая была в курсе всех моих дел, принесла мне номер

северской[7] газеты «Диалог», где красовалось объявление о конкурсе на замещение вакантной должности редактора. Не долго думая, я подал заявление на участие.

Оказалось, все непросто. Оказалось, на пост редактора претендуют два кандидата – известный в городке демократ и известная в городке коммунистка. Собственно, выборы редактора были лишь поводом для очередного сражения этих двух главных в городе политических сил. Когда об этом узнавали другие претенденты, они забирали свои заявления, понимая, что всерьез их никто не примет.

Оказалось так же, что заявления претендентов будет рассматриваться не в отделе кадров, а, ни много, ни мало, на сессии Городского совета. Голосовать будут все депутаты…

Я бы, наверное, тоже забрал свое заявление, но это был для меня еще и единственный реальный шанс побывать в закрытом Северске, то есть в гостях у Эли. И я решил, что «с худой овцы хоть шерсти клок»: не вышло с квартирой, так хотя бы впервые загляну домой к любимой.

На меня оформили пропуск и, провезя через колючку с вооруженными автоматами часовыми, доставили прямиком на сессию горсовета. Стали выступать претенденты на редакторский пост. Демократ минут двадцать рассказывал о себе, о своей политической платформе, и о том, какой он видит газету в будущем. То же самое проделала коммунистка. Настала моя очередь. Я был уверен, что меня выбрать не могут, потому сказал то, что думаю. Примерно следующее:

– Уважаемые депутаты. Если бы я знал, что выборы редактора городской газеты будут превращены вами в постыдный фарс, я бы забрал свое заявление. Все вы делитесь на два лагеря – демократов и коммунистов, и вы будете голосовать за соответствующих претендентов. Я же выставлен тут для создания видимости альтернативы, как мальчик для битья. Считаю такой подход по отношению к себе некорректным, я бы даже сказал, оскорбительным. А, между прочим, я хороший журналист, даже писатель. И вообще, я вам ничего плохого не делал. Так как шансов у меня никаких нет, я покидаю это дурацкое собрание.

Сойдя с трибуны, я поспешил в гости к Эльке. Ее комната мне очень понравилась. Там было уютно, а под стеклом на письменном столе красовались мои фотографии. Родителей дома не было, и мы трахались с ней поочередно на всех кроватях, диванах и креслах.

Потом Эля вспомнила, что с сессии горсовета должна идти прямая трансляция по городскому радио. Это было очень по-северски. Сессия шла три дня, и три дня по радио ничего кроме

косноязычного бормотания депутатов да комментариев журналиста услышать было невозможно. Мы включили приемник. И почти сразу диктор сообщила:

– Голоса подсчитаны. Подавляющим большинством на должность редактора газеты «Диалог» выбран молодой журналист из Томска Юлий Буркин!

Я просто обалдел.

– Интересно, – сказала Элька, – если бы они знали, чем ты занимался все время, пока они там заседали, и как тебе на все это насрать, они бы тебя выбрали?

Но на самом-то деле мне было не совсем насрать, и я сорвался обратно на сессию. Был перерыв, депутаты тусовались на улице, курили. Когда появился я, они принялись меня поздравлять. Потом один сказал:

– Ничего не понимаю. Ты назвал нас дураками, сессию горсовета – постыдным фарсом, а мы тебя выбрали.

Другой заметил:

– Я за него проголосовал, чтобы потом хвастаться, мол, я ни за демократов, ни за коммунистов не стал свой голос отдавать, я за этого наглого пацана проголосовал… Думал, один такой буду.

Потом выяснилось, что примерно так рассуждали почти все депутаты.

В результате я стал редактором «Диалога», через полгода получил новенькую трехкомнатную квартиру и смог развестись с женой. Не скажу, что моя совесть была при этом чиста, но, во-первых, без квартиры она была бы еще грязнее, во-вторых, я был влюблен, и совесть меня особенно не беспокоила. Нет никого эгоистичнее, чем счастливый любовник. Ему кажется, что его чувство оправдывает все.

Северск

Город Северск (Томск-7 или Пятый Почтовый) – явление уникальное. Его надо изучать. Причем не только и не столько социологам, сколько биологам. Мухам дрозофилам далеко до тех удивительных высот, коих добились жители этого города в способности превращаться в новые виды себе подобных. Историю создания Почтового я знаю только понаслышке, но я видел результат и склонен этим данным верить.

Под руководством Берии Советский Союз взялся за освоение атомной энергетики, создание «ядерного щита Родины». По первоначальному проекту весь город должен был находиться глубоко под землей. Это оказалось слишком дорого, и решили ограничиться режимом строгой секретности. Сперва нагнали зеков, а потом, когда они отстроили основные корпуса заводов и жилых домов, заключенных убрали. Говорят, убрали физически, для поддержания секретности. Трудно ведь от зеков ожидать сохранения государственной тайны. Есть даже кладбище, где по местному преданию, захоронены их останки.

Затем, для продолжения строительства и для работы непосредственно на ядерных объектах стали вербовать людей. Были тут и высокие военные чины и пожилые физики-атомщики, но подобных «исключительных» индивидуумов было немного – десятки. Расскажу о тех, кто составил подавляющее большинство населения Северска, его основную рабсилу.

Во-первых, отбирали их буквально «по зубам». Атомная промышленность – дело новое, но уже известно, что вредное. Значит, завербованные должны иметь большой запас здоровья. И до сих пор люди в Северске, уже третье и четвертое поколение, отличаются природной статью, подтянутостью, плебейской «породистостью».

Во-вторых, это были только русские, украинцы и белорусы, остальные национальности для такого дела считались недостаточно благонадежными. В том числе, конечно же, и «космополитические» евреи. Их в Северске и сейчас мало. Цыган нет вовсе. Грузины и узбеки – великая редкость.

В-третьих, контингент подбирался «политически грамотный», это были чуть не поголовно молодые коммунисты, рвущиеся в бой за идею. Сейчас город полон разочарованных стариков.

В-четвертых, завербованные знали, что едут в радиоактивную «клетку», думали, что навсегда. Ведь первые двадцать лет город был закрыт напрочь, и из него невозможно было съездить даже в соседний Томск. Ничто не предвещало, что Северск когда-нибудь

откроют. При этом люди знали, что зарплата у них будет на порядок выше, чем на любом обычном предприятии страны, а снабжение – «московское»: никаких дефицитов, никаких пустых прилавков, они всегда будут сыты, одеты и обуты… Этот культ материального достатка ценой свободы царит там до сих пор.

В-пятых, подразумевалось, что человек должен меньше думать, но хорошо исполнять. Армейская, если не сказать «казарменная» дисциплина во всем принималась здесь, как норма жизни.

В-шестых, считалось, что накопленную радиацию из организма хорошо выводит водка. Северчане пьют даже больше, чем средний русский человек.

Наконец, в-седьмых, из режимных соображений желательно, чтобы у вербующегося было поменьше родни «за колючкой». Потому многие приехавшие в Северск были детдомовцами – послевоенное поколение.

Вот усредненный тип жителя Почтового. Здоровый, а соответственно – красивый, интеллектуально ограниченный, но зато – политически благонадежный. Дисциплинированный, готовый к самопожертвованию, довольный своей клеткой и тем, что в ней комфортно, хорошо кормят и называют тебя героем. Сильно пьющий и не слишком разбирающийся в тонкостях человеческих отношений.

Таков был рядовой представитель первого поколения «покорителей атома». Время шло, появилось новое поколение, изначально взращенное «в клетке». Поколение, привыкшее к невероятным для нашей страны чистоте и комфорту, сытости и разнообразию товаров. Когда его представителям исполнилось по пятнадцать-двадцать лет, «режим» ослабили, и они стали выезжать в соседний Томск учиться в вузах и техникумах. И охреневать от грязи на улицах, пустоты в витринах, от очередей за пивом, сигаретами, колбасой, джинсами производства города «Болотное», да и за всем подряд.

У них появилась естественная идея: купить дефицитный товар дома, в Северске, и продать его втридорога в Томске. Нужно быть дураком, чтобы не воспользоваться такой простой схемой. Все следующие поколения жителей Северска превратились сначала в «спекулянтов», а позднее, когда разрешили, в «коммерсантов».

От своих предков они унаследовали здоровье, красоту, ограниченность, любовь к комфорту и пьянству. Не унаследовали за ненадобностью идейности, дисциплинированности, готовности к самопожертвованию. Приобрели вследствие особых условий жизни и воспитания: высокомерие в отношении «непочтовских»,

гибкость в вопросах морали, изворотливость и страсть к наживе. Недаром, когда в стране начался «рынок», чуть ли не вся почтовская молодежь превратилась в «кооператоров» и «бизнесменов», а так же жуликов и бандитов.

Когда мы только познакомились с Элькой, она была нежной романтичной девочкой. Она светилась изнутри золотым светом, и когда я видел ее, мне хотелось плакать от счастья. Вот тут бы мне и выдернуть ее из того болота, в котором она росла. Но я не сделал этого. Не мог или не хотел. Чему же удивляться, что с годами она все-таки превратилась в типичную молодую жительницу Северска.

Ниже, кстати, пара характерных для этого города картинок радостного цинизма, веселого идиотизма и восхитительной извращенности.

Нашествие геев

В «Диалоге» начался очередной виток подписной компании. Срочно требовались острые скандальные материалы, пусть даже откровенные утки. В те времена в газетах еще очень редко можно было встретить статьи о сексуальных меньшинствах, и практикант по прозвищу Михалыч, который был при нас с Элькой чем-то вроде пажа или оруженосца, предложил написать «исповедь гея». Я дал добро, и он принялся за работу.

Исповедь была захватывающей и душещипательной. Бедняга поведал, как в глубокой юности он в пионерском лагере пал жертвой маньяка-вожатого. Как со временем переориентировались все его интересы, и вскоре он уже не мыслил себе иначе, как гей. Как отвернулся от него отец, как страдает мама, да и он сам. Ведь он одинок и не может найти себе друга. Он – изгой в душной ханжеской атмосфере закрытого городка… Мы ржали всей редакцией, читая этот материал вслух.

Через пару дней после выхода газеты ко мне в кабинет зашел парнишка, по-рокерски одетый в кожаные штаны и кожаный жилет.

– Вы знаете, – сказал «кожаный», – я прочел в вашей газете материал о юноше-гее, и он глубоко тронул меня. Я хотел бы встретится с этим человеком, поговорить с ним, утешить.

– Он предупредил меня, чтобы я не раскрывал его инкогнито, – соврал я.

Парень еще немного поуговаривал меня, наконец, покраснев, заявил:

– Вы должны понять меня. У меня – те же проблемы.

Я был слегка шокирован. Но не мог же я дать ему телефон Михалыча, тот ведь был отнюдь не геем, он, по-моему, даже был тайно влюблен в Эльку.

– Вот что, – предложил я. – Оставьте мне свои координаты, я поговорю с ним, и, возможно, он позвонит вам сам.

На следующий день история повторилась. С той же просьбой пришел в редакцию другой молодой человек. Не долго думая, я взял у него его координаты, пообещав передать автору статьи, а еще продиктовал ему телефон давешнего «кожаного».

Потом они стали ходить ко мне толпами, и я почувствовал себя профессиональным сводникам, передавая им координаты друг друга. И они стали собираться по вечерам у меня в редакции, объяснив мне, что больше негде. Выпросили у меня ключ от «комнаты для летучек», мол, вы ведь там только два раза в неделю собираетесь, а все остальное время там пусто… И я,

добрая душа, отдал им запасной ключ.

Они пили чаи, беседовали и не знаю, что там делали еще. Они часами просиживали там, а вскоре к ним стали приезжать еще и «друзья» из Томска. По Северску поползли слухи. Работать стало уже просто невозможно. Но я не знал, как им сказать, чтобы не обидеть, что это все-таки редакция городской газеты, а не дом свиданий. И все-таки однажды я сделал это. Я был пьян. Часов в одиннадцать вечера я проходил мимо своей редакции и вдруг увидел, что там горит свет.

Я вошел и заявил с порога:

– Все. Теперь вы все знаете друг друга и можете встречаться где угодно. А это помещение прошу очистить. Раз и навсегда.

– Но почему?! – вскричал один из них.

– Потому, – лаконично ответил я.

– Но мы же не мешаем вам работать! Вы – единственный, кто понимает нас в этом городе.

Остальные загомонили. И тут я не выдержал. Позднее мне было стыдно за этот крик души. Но сейчас мне об этом вспоминать смешно. Я рявкнул:

– Пидорасы! Прочь из моей редакции!

Пидорасы пригорюнились и молча покинули помещение.

* * *

Я уже переехал в новую северскую квартиру и подал на развод. Но встречались мы с Элькой все так же тайно, как правило, у нее дома, когда не было родителей. Я думаю, именно тогда моя нерешительность окончательно убила ее веру в то, что когда-нибудь мы будем по-настоящему вместе. Но об этом после. Сейчас я хочу рассказать еще один смешной и показательный, в смысле нравов города Северска, эпизод из моих «трудовых будней».

Полтергейсты с Юпитера

В редакцию «Диалога» явилась женщина лет пятидесяти. За соседним столом в кабинете сидел мой заместитель Александр Борисович.

Женщина присела рядом со мной:

– Юлий Сергеевич, вы человек грамотный, фантастику пишите. Я вот по какому вопросу. У меня муж – инвалид, ветеран труда. Уже много лет он лежит парализованный, не двигается…

Я слушал внимательно, приготовившись к тому, что она будет рассказывать о своей тяжелой доле и попросит у редакции какой-нибудь помощи, вроде решения вопроса в ЖКО о ремонте квартиры, или в Собесе об увеличении льгот, или о чем-нибудь подобном. Она продолжила:

– Но в последнее время он начал падать с кровати. – Она испытующе посмотрела на меня.

– Та-ак, – произнес я, чувствуя, что от меня ожидается какая-то иная реакция. Я, видимо, должен был что-то понять, а я не понимал.

– Нет, вы подумайте. Он – парализованный, двигаться не может. А с кровати падает. Это же фантастика!

Она смотрела на меня чуть ли не победно, и мне стало казаться, что взгляд у нее какой-то, мягко говоря, особенный.

– Может, у него бывают судороги? – промямлил я. – Вот он и падает…

– Какие судороги?! – воскликнула она. – Вы себе можете представить такие судороги, от которых падают с кровати?!

– Да, – вяло согласился я, – такие судороги представить трудно…

– В том-то и дело! – энергично кивнула она и замолкла.

Пауза затягивалась.

– Так почему же он падает? – принужденно спросил я.

Она огляделась по сторонам, наклонилась ко мне поближе и тихо, заговорчески произнесла:

– Это у нас полтергейсты завелись, вот что!

Множественной формы слова «полтергейст» я еще не слышал, потому переспросил:

– Кто-кто завелись?

Мой заместитель за ее спиной начал беззвучно хихикать и показывать мне, что, мол, у тетеньки не все дома…

– Полтергейсты, – повторила она. – С Юпитера. Они невидимые. Издеваются над нами, как хотят. С постели мужа сбрасывают, на стенах всякую ерунду пишут, посуду на кухне

бьют, безобразничают, как могут!

– Да вы что? – притворно удивился я, думая о том, как бы от нее побыстрее отделаться. А она, увидев, наконец, во мне признаки понимания, напористо продолжала:

– Да ладно бы, только посуду били! Они ж и книжки с полок роняют, а банок с соленьями сколько укокошили!

– Да-а, – покачал я головой сокрушенно.

– Ладно – банки! – продолжала она, – и Бог бы с ними, с банками, но они же мебель портят! А как они меня ебут! Как они меня ебут!!!

Мой заместитель, шумно вскочив из-за стола, вылетел за дверь. А посетительница почти с восторгом продолжала:

– Они меня раком поставят и ебут, а муж на это смотрит, шевельнуться не может, только выговаривает мне: «Ах ты, сука старая, я лежу тут парализованный, а ты вон чего вытворяешь!» А я и сделать ничего не могу, они же меня силой держат! Да к тому же невидимые!

… Я не помню, как я от нее избавился. Но это было серьезное потрясение.

Комары

У Эли было своеобразное чувство юмора. Однажды она, например, заявила: «В человеке все должно быть прекрасно – и душа, и одежда, и хвост…»

Или вот еще. Мы тогда были знакомы около полугода. Очередное свидание должно было случиться в кафе «Лира» в 13.00. Я проспал. Всю ночь не давали спать комары, и заснул я лишь часов в девять. А проснулся где-то в полпервого. Глянул на часы, глянул на себя в зеркало… Пришлось принять ванну, чтобы быть похожим на человека… Короче, в «Лире» я появился около двух.

Эля была там. Но, увидев меня, само собой, не расцвела радостной улыбкой, а обиженно надула губы. Я подсел и сразу попытался объяснить:

– Извини, пожалуйста. Понимаешь, всю ночь не давали спать комары…

В конце концов, она оттаяла.

… Прошло пять лет. Зима. Я уже ушел от жены и валяюсь на кровати в чужой квартире, где мне временно позволил пожить один мой товарищ, пока я не снял своего угла. Эля должна была прийти в 19.00. Но уже восемь, а ее все нет. Девять. Десять…

В четыре утра раздается звонок. Открываю. На пороге в облаке морозного воздуха – Эля. С первого взгляда видно, что она изрядно пьяна.

– Ну, и где ты была?! – спрашиваю я почти грозно.

– Понимаешь, милый, – отвечает она, стягивая шубку, – всю ночь не давали спать комары…

* * *

Чувство юмора – это хорошо. Но когда твоя девушка шляется неизвестно где и появляется под утро пьяная, это говорит о многом.

Наши отношения покатились под откос.

Как я бесился

Вскоре Элька призналась мне, что у нее есть другой мужчина. Арнольд… (Не правда ли, идиотизм: после Юлия заводить себе не Сашу, не Васю, а Арнольда?.. Мало ей было дурной экзотики.) Она привыкла быть моей любовницей и не могла представить себя моей женой. Я слишком долго тянул.

Но дело не только в этом, был и еще один аспект. Время. Так называемая «перестройка». Стало возможным законное частное предпринимательство. Одесская сестра Ленка увлеклась челночными поездками в Китай и Польшу, стала таскать с собой и Эльку.

Я валялся в пустой комнате, переживая разрыв с сыновьями, писал песни и фантастические повести. Я жил в каком-то странном нереальном мире и, вслед за «Битлз» верил в то, что главное в моей жизни – любовь. В комнате были только матрац и сумка с моими вещами.

Сейчас в такой ситуации я, наверное, сошел бы с ума от одиночества и ощущения безысходности, но тогда все было освещено особым светом, все казалось романтичным. Жизнь на матрасе в пустой комнате казалась приключением. Элька же, хоть и была по природе своей сентиментальна, хоть и любила меня, к тому моменту стала довольно прагматичной и отчаялась.

Итак, она рассказала мне про Арнольда. Тогда я нажал на нее, и она призналась мне и в других своих изменах. Оказалось, что их было немало. Именно в последнее время. После каждого рассказа она добавляла: «Ну, это-то не считается. С ним как-то случайно вышло, а любила я всегда только тебя… И теперь еще Арнольда…»

Уродливый человек по фамилии Гильман – один из многих, кто, оказывается, трахал девушку, которую я любил больше жизни. Я вспомнил его потому, что мы были с ним знакомы. Прочитав несколько моих повестей, он заметил (это она мне рассказала): «Вроде бы о разном написано, и сюжеты разные, а на самом деле все о ваших с ним отношениях».

Он оказался очень проницательным. Позднее я сам понял, что все, что я писал в то время, когда Эля была моей любовницей, я писал только о себе и о ней. Да я и сейчас, прямо сейчас, если вдуматься, пишу о себе и о ней. А вы читаете.

Она рассказывала, а я делал вид, что я такой продвинутый, широких взглядов человечище и спокойно, с понимающей улыбочкой, просил ее описать подробнее, как было с тем, а как с этим… И она покупалась и рассказывала. А я просил припомнить

детали, еще и еще. И каждая подробность занозой вонзалась мне в душу. История ее знакомства с Арнольдом – это был кол, неотесанный небрежно заостренный, вбиваемый мне в самое сердце.

Будущее со мной ей тогда уже казалось невероятным, а прошлое включало в себя мои уходы домой, к жене, сразу после полового акта на чьей-то хате… Оно включало два аборта… Я до сих пор не могу понять, почему мы с ней регулярно не предохранялись. Я считал, что это забота женщины, а она была слишком молодой и неопытной? Да нет, не то. Думаю, нас подстегивал азарт играющих в рулетку, ведь если бы она «залетела», что-то в нашей жизни должно было измениться. Должно было. Но не изменилось. А мы не начали предохраняться всерьёз и после ее первого аборта. Мы просто были беспечны до глупости.

Она резонно полагала, что все эти годы я не мог не поддерживать сексуальных отношений с женой. Хотя бы, так сказать, для конспирации. Я кормил ее «завтраками»: завтра я разведусь, завтра мы будем вместе… Изменять мне она стала, как я потом понял, в знак протеста против моего вечного вранья, против всей этой, унизительной для нее, ситуации. И тут подвернулся Арнольд. Они познакомились в самолете. Она летела из какой-то своей очередной челночной вылазки. Она устала, ей было плохо, а этот парень стал ухаживать за ней – оберегал ее покой, приносил пить, и тому подобное. И она была благодарна.

После того, как она рассказала мне все это, я впал в некий ступор. Новая идея, просто таки по Хармсу, огорошила человека, к ней не подготовленного. А потом я начал психовать. Например, я задумал убить Арнольда. Стал прикидывать, как это можно было бы сделать. Придумал познакомиться с ним, пить с ним коньяк и отравить небольшой дозой метилового спирта. Сейчас уже и не помню, почему не исполнил эту задумку.

Еще я узнавал у людей, как нанять киллера, который пристрелил бы Арнольда, как собаку. При этом я спрашивал себя: «Будет ли мучить меня совесть?» И приходил к выводу, что если и будет, то меньше, чем ревность, обида, чувство потери лучшего, что у меня когда-либо было, утраты смысла жизни…

А однажды, напившись вдрызг, я вылепил из пластилина двух куколок – Эльки и Арнольда – и проткнул их сердца иголками. Меня никто этому не учил, я даже не помню, как эта идея пришла мне в голову. Я был пьян и сделал это на «автопилоте», руководимый каким-то древним инстинктом. Я вспомнил об этом только через год, когда хозяин квартиры, рыжий фотограф,

переставляя мебель, нашел этих мертвых куколок за шкафом и брезгливо отдал их мне.

Возможно, все худшее, что со мной с тех пор произошло – следствие этой выходки. А, может быть, расплата за нее еще ждет меня.

* * *

Мне было больно. Но самое удивительное, что и в этой боли я был счастлив. Потому что боль была следствием любви. Раньше счастье было сладким, а теперь стало горьким. Любовь – наркотик, она все окрашивает в свой цвет. Когда, много позже, действие этого наркотика прекратилось, я обнаружил, что с дурацкой улыбкой стою по шею в дерьме.

Если не хочешь такого исхода, умри, как Ромео и Джульетта. Или готовься расхлебывать.

За что я люблю N [8]

У меня все валилось из рук. Я был оскорблен. Я был взвинчен и агрессивен. Тут пришло известие, что со дня на день в Екатеринбурге состоится очередной фестиваль фантастики «Аэлита». И я решил проветриться. Тем более что Элька опять была в отъезде. До сих пор удивляюсь, как она ухитрялась еще и успешно учиться в университете.

Напился я уже по пути, в поезде. Денег с собой почти не было. Но во дворе редакции журнала «Уральский следопыт» среди прочих тусующихся я обнаружил своего старого знакомого – писателя и музыканта Сергея Орехова. Недавно по его просьбе я переслал ему рукопись повести «Вика в электрическом мире», которую он собирался печатать в ближайшем номере своего новорожденного журнала «Апейрон».

Увидев Сергея, я насел на него:

– Серега, ты мне должен гонорар.

– Так ведь еще не напечатали…

– У меня есть предложение. Если платишь сейчас авансом, возьму половину суммы. Это же какая экономия журналу!

Серега замялся:

– Заманчиво. Но у меня с собой только личные деньги… – Он полез в карман, достал бумажник, пересчитал… – Нет, не могу…

Я не отступал:

– Последнее предложение. Я не только отдаю «Вику» за полцены, но и эту сумму мы пропиваем вместе – здесь и сейчас.

Серега сдался. И мы отправились за коньяком. С полной сеткой бутылок, уже порядочно набравшиеся, мы явились в Дом культуры на торжественное открытие фестиваля и вручение премий. Премию «Старт» вручали Сергею Лукьяненко за его первую книгу «Рыцари сорока островов». Я уже успел познакомиться с ним, и он был мне симпатичен. Получив приз, он собирался сказать традиционную речь… Но тут из зала на сцену выбрались мы с Ореховым и заявили: «А это – приз от друзей». И всучили Лукьяненко бутылку коньяку. Открытую. И заставили его пить из горлышка, приговаривая: «Пей до дна, пей до дна, пей до дна…»

Выдали такие же «призы» и всему президиуму: заставили всех пить коньяк… Через минут двадцать и президиум, и Лукьяненко были уже очень «хорошие», торжественное открытие как-то само собой свернулось, и мы всей толпой, человек в тридцать-сорок, ломанулись в гостиницу «Большой Урал», не пропуская без закупки флаконов ни один ларек.

В гостинице начался уже форменный бедлам. Моя душа требовала именно беспредела, и я получил его. За два дня я перетрахал всех попавшихся на глаза девушек, пятерых или шестерых, не помню. Я поражался, как у меня получается так легко их брать, я ведь никогда не был великим Доном Жуаном. Видно что-то такое из меня тогда перло, из-за чего они безропотно отдавались мне. Удовольствия я почти не испытывал, но от сердца немного отлегло. Я почувствовал себя немного отмщенным.

Одна ситуация была совсем уже дикой. Я зашел в комнату к писателю Леве Вершинину. Комната была открыта, а Левы не было. Я увидел, что у него на кровати лежит молоденькая девушка-фэнка. Спит. Я заглянул в лицо. Ничего, симпатичная… Я взвалил ее себе на плечо и вынес в коридор. Там меня увидел Лева, догнал и закричал:

– Положи на место, это моя девушка! Отдай!

Я не отдавал. Вскоре мы уже тянули ее: я за руки, он за ноги, каждый к себе. Девушка тихо скулила… В конце концов, я поставил ее на пол и сказал Леве:

– Давай так. Я ухожу с ней к себе. Силу обещаю не применять. Посмотри на меня: я страшный и противный, а ты – красавец мужчина, да еще и умница. Она все равно сбежит к тебе…

Оказалось, что лесть – его слабое место. Лева был вынужден согласиться со мной, и я понес девушку дальше. К нему она не сбежала. Она понравилась мне больше других, я переселил ее к себе в номер, и мы протрахались с ней оставшиеся двое суток фестиваля. Выяснилось, что ее прозвище – Бегемот. У нее были очень пухленькие щеки, это все, что я о ней запомнил.

В пьяном угаре был еще такой момент. Мы сидели с Серегой Ореховым за столом, в стакане кипятилась вода. «Ты кто по Зодиаку?» – спросил я. «Рыба». «Рыба?! – не поверил я своим ушам, – Рыба…» Эля была Рыбой. Я как раз вычитал, что между Овном и Рыбой, оказывается, в принципе не может быть ничего хорошего. Я возненавидел Рыб. Я взял стакан и вылил его содержимое Орехову на голову.

Он ударил меня кулаком по лицу. Мы сцепились и упали на пол. Нас еле растащили. Я кричал при этом: «Дайте, я убью его! Он – Рыба!!!» Я никогда еще не слышал о случаях драк на зодиакальной почве.

Вечером первого дня, который я провел с Бегемотом, к нам в комнату приблудилась ее подружка – симпатичная полненькая девушка в очках, которой негде было спать. Мы уступили ей пустующую кровать двухместного номера. Номер, надо сказать, был ужасный – обшарпанный, без туалета.

Утром, когда девушки ещё спали, я пошел поболтать к Молодому Писателю N. N, как и все прочие, страдал с дикого похмелья, зато номер у него оказался очень комфортабельный, двухкомнатный, с огромной кроватью, даже с холодильником и ванной. Мы сходили за пивом, купить которое можно было только в магазине на улице, N загрузил в холодильник пол-ящика, после чего мы сели его пить. И тут я возмутился – в такой уютный номер надо женщин приводить, а не спать тут просто так. Тогда N признался:

– А я ни разу в жизни не изменял своей жене. Не получается.

– Ты же ее любишь? – спросил я.

– Да.

– Потому и не получается. И не нужно тебе это. Люби ее одну.

– Я ее одну и люблю. Но я же не могу совсем не замечать других женщин.

– И в чем тогда проблема?

Замечать-то я их замечаю, а вот все остальное… Как это можно, если ты женат, подойти знакомиться с женщиной, причем с конкретными намерениями?

– А тебе это надо? – продолжал удивляться я.

– Не знаю. Я себя белой вороной чувствую… Комплекс.

Меня в тот момент несло.

– Главное, – сказал я, – это правильный подход. У меня в комнате сейчас лежит Бегемот и ее подружка. Я забираю Бегемота, прихожу сюда, и мы располагаемся тут. А ты берешь часть пива – и идешь в наш номер.

– И что? – на N было жалко смотреть. Я же был мудр, как змий.

– Дальше все пойдет само собой! – учил я. – Придешь в комнату, разбудишь девушку, представишься. Она обалдеет, что перед ней – сам Писатель N… Спросишь, не хочет ли она выпить (а она, само собой, хочет), попьете с ней, слово за слово, да и трахнешь её… А мы хоть помоемся в твоем номере и тоже пивка попьем…

На том и порешили. Я сходил к себе и притащил сонного Бегемота к N. Сначала она никуда идти не хотела, но когда услышала про свежее пиво из холодильника – неохотно поднялась. N с пакетом уже выходил из номера, я подмигнул ему и завел девушку внутрь.

О, гнусное предательство! Холодильник был пуст! N явно решил, что во время знакомства с девушками всё дело в пиве, и забрал всё.

– Где пиво? – спросила меня Бегемот агрессивно.

Я схватил недопитый мной стакан и протянул ей… Впрочем,

от меня она, наверное, ничего другого и не ждала…

Часа три мы прокувыркались с Бегемотом на постели N. Потом она ушла – наверное, на поиски пива. А вскоре вернулся хозяин номера.

– Сволочь! – приветствовал я его.

– Почему? – растерялся он.

– Ты унес всё пиво! Представляешь, какой скотиной я выглядел? Позвал женщину выпить пивка, а в результате гнусно ею воспользовался и ничем не напоил!

Молодой Писатель N молча подошел к холодильнику, заглянул. Сказал:

– Полный холодильник пива.

Я понял, что кто-то из нас сошел с ума. Заглянул в холодильник. Видимо, с ума сошел N.

– И где тут пиво? – заорал я.

– Вот оно! – N распахнул дверцу пошире.

Проклятый холодильник! В нем были гнезда на дверце – для кефира, лимонада, минералки… Там и стояло штук восемь бутылок прекрасного, свежего, холодного пива.

– А у меня дома нет таких гнезд в дверке, – только и сказал я.

N укоризненно смотрел на меня.

– Ну ладно, – махнул я рукой, – зато пиво сэкономили.

И мы снова сели его пить.

– Ну как?! – спросил я его с горячим любопытством после первой бутылки.

– Да никак… – N развел руками.

– Почему?! – поразился я. – Она что, тебе не понравилась?

– Да мне без разницы… Ну, понравилась… Симпатичная.

– Так в чем же дело?!!

– Ну, представь, – стал объяснять он. – Прихожу я в комнату. Страшный такой номер, будто после погрома. Девушка спит. Вовсе даже не страшная, но тоже – как после погрома. Я ее разбудил, спрашиваю: «Ты пива хочешь?» Она говорит: «Пиво – это хорошо, только я уже сутки не ела». Мне жалко ее стало… Я пошел в буфет на этаже, купил каких-то сарделек. Принес. Она наелась, напилась, мы о конвенте немного поговорили. Потом она и спрашивает: «Кто ты, благодетель?» Я отвечаю: «N…» «Как?! – кричит она, – тот самый N?!! Вы – мой любимый писатель!» Ну и как после этого было к ней приставать?

… С тех пор я больше не предлагал ему отправиться на поиски приключений, да и глупый комплекс у него, слава Богу, рассосался.

Жребий

Фестивали фестивалями, но вернемся к главному.

Когда Эля рассказала мне про свои измены и про своего нового мужчину по имени Арнольд, я стал беситься, я стал закатывать сцены ревности… Но это только отпугнуло ее, она стала избегать встреч со мной. Но иногда все-таки звонила мне на работу. Ей не хватало привычного общения со мной, ведь роман наш к тому времени длился уже более пяти лет.

Эля говорила: «Люблю я тебя, а Арнольд мне только нравится. Но с тобой я не вижу никакой перспективы. И я постараюсь полюбить его».

Уже полгода, наверное, я разводился с женой. Услышав от Эли о новом мужчине, я закончил этот вялотекущий бракоразводный процесс в два дня. Весь бред состоял в том, что МНЕ НРАВИЛАСЬ МОЯ ЖИЗНЬ на матрасе. Потому что в ней была любовь, а для меня это было самым главным. А Эле не нравилась такая жизнь. Она почувствовала вкус денег, она полюбила комфорт, и кто осудит ее за это? Женщины, как и кошки, ценят уют. Герань на подоконнике и белых слоников на черном пианино.

Я абстрактно рассуждал: «Деньги, как универсальный эквивалент – престранная штука. Курс лечения гонореи стоит ровно столько же, сколько проезд Томск-Москва. Вот и думаешь, то ли остаться в Томске лечить гонорею, то ли ехать с ней в Москву. Еще удивительнее то, что вход в платный туалет стоит столько же, сколько проезд в автобусе. Выходит, посрать и идти пешком, равносильно тому, что поехать в автобусе и обосраться…»

А Арнольд в тот момент был средней руки бизнесменом. Он жил в квартире, которую купил, заработав деньги самостоятельно. Он ездил на машине, которую купил, заработав деньги самостоятельно… Он на все сто соответствовал новым Элькиным идеалам. Позднее я написал песню об этой ситуации. Вот два ее первых куплета:

О, да, я знаю, при моей натуре
Уживаться со мной нелегко.
Я обещал тебе златые горы,
Только все это так далеко.

О да, я знаю, он толковый парень,
И он сможет нажить капитал,

Он сможет дать тебе (верней, купить) все,
Что я тебе лишь обещал…

И еще один очень правильный куплет:

О да, я знаю, ты не можешь быть верной,
Это я тебя сделал такой,
Да, у тебя был аморальный учитель,
И ты вряд ли могла стать другой…

Вот только в песне я выгляжу этаким милым и всепрощающим благородным симпатягой:

Раз это нужно, пусть он спит с тобой,
Раз нужно, пусть он делит землю с тобой,
А я, я буду петь для тебя,
Но только я буду петь для тебя,
И я, я буду водить тебя в небо с собой.[9]

Но это песня. На самом же деле я умирал от ревности, от ужаса, что жизнь моя потеряла некий стержень… И я как-то весь мобилизовался, я инстинктивно стал хитрым, как таракан. Я решил вернуть ее, во что бы то ни стало.

Когда она позвонила мне в очередной раз, я ласково сообщил ей, что, похоже, смог понять ее, и теперь хочу только одного: чтобы она не исчезала из моей жизни, чтобы мы хотя бы изредка встречались. Как старые друзья.

Она отнеслась к этому настороженно. Она слишком хорошо меня знала. Но на третий или на четвертый раз она согласилась встретиться со мной. Мы сидели в каком-то кафе, я был ласков, но делал вид, что это – чисто по-дружески. В результате мы стали встречаться два-три раза в неделю.

В своей комнатушке я бесился, грыз зубами матрац, рвал и ломал все, что попадалось под руки, часами рыдал в подушку, мучимый одновременно и всеми чувствами, связанными с Элей, и чувством вины перед сыновьями… Но при встрече с ней я вновь был спокоен, мил и даже сочувственен. Мы выпивали с ней бутылочку-другую сухого вина, я выслушивал рассказы о сложностях ее новой жизни и давал отеческие советы.

Мы встречались с ней только на нейтральной территории, я не приглашал ее к себе. Боялся спугнуть. Как-то она сообщила,

что на целых три недели Арнольд уезжает в командировку. Я понял, что это – мой шанс.

Случайно до меня дошел слух, что мой не самый близкий знакомый – дизайнер Дима Беляев и его жена уезжают в Польшу. Дима жил в однокомнатной, небогатой, но очень стильной квартире: он оформил ее сам. Я явился к нему и с убежденностью одержимого стал уговаривать его позволить мне пожить у него в квартире во время его отсутствия. Я рассказал ему всю свою историю с Элей и довел его до того, что он стал пить валерьянку. Он отдал мне ключи. Послезавтра в девять вечера он должен был уехать.

На следующий день Эля позвонила, и я пригласил ее назавтра в ресторан (на работе дали отпускные). «Почему завтра? – спросила она. – Мне скучно сегодня, Арнольд уехал».

– Сегодня не могу, у меня дела, – соврал я. – А с завтрашнего дня я в отпуске. – Про отпуск я сказал правду. Но особых дел у меня не было. Я просто хотел из ресторана повести ее в «свою новую квартиру». А это было возможно только на следующий день, после девяти.

Назавтра в шесть вечера мы встретились в кабаке. Я был очень ласков и корректен. В восемь она вдруг заявила: «Я тебя хочу». Я глянул на часы. Рано. Беляевы еще дома. Я начал гнать какую-то ахинею про то, что, мол, мне тут нравится, и я хочу посидеть тут еще хотя бы часок. Она дико обиделась. Еще бы, она ведь и так слишком легко решилась изменить Арнольду, а я ее отверг. Этот час я посвятил тому, чтобы помириться с ней. А, помирившись, предложил таки поехать ко мне.

– Куда это мы едем? – удивлялась она в тачке.

– Я тут снял квартирку…

Стильным интерьером она была поражена. Мы сразу занялись с ней любовью. По ходу выдули пару прихваченных из кабака бутылок «Молока любимой женщины».

Мы не выползали из этой квартиры четверо суток, непрерывно занимаясь любовью и поглощая вино. Еще я готовил разные кушанья, чтобы она могла оценить мои кулинарные способности. Их нет у меня. Я запирал ее на ключ снаружи и шел «за продуктами». Но на самом деле я в ближайшем ресторане покупал готовые, только не пожаренные или не сваренные блюда, приносил их домой и «готовил». Ее на кухню я не пускал, якобы из принципа: «Я хочу, чтобы все это было сюрпризом…» Я и правда был хитер, как таракан. Она ела, облизывая пальчики и удивляясь: «Арнольд меня только яичницей с помидорами кормит».

Блин! На самом-то деле и я кроме яичницы с помидорами

ничего готовить не умею, тогда, во всяком случае, не умел.

Однажды она заявила:

– Сегодня мне надо быть у Арнольда, он будет звонить из Англии.

Мы поехали к нему в квартиру вместе. Он позвонил как раз в тот момент, когда мы трахались. Она стояла на локтях и коленях, а я был сзади. Зазвонил телефон. Она хотела освободиться от меня, но я не пустил ее. Тогда она дотянулась до трубки и стала говорить, не прекращая процесса.

Она говорила с ним очень нежно, и это почему-то еще сильнее возбуждало меня. Наверное, потому, что я сознавал: я – победитель! Она обманывает его, а не меня. Она трахается со мной, а все те слова, которые она говорит ему сейчас – вранье.

Она тоже была очень возбуждена, хотя и старалась говорить в трубку спокойно. Но время от времени все-таки непроизвольно с придыханием ахала. Видимо Арнольд заподозрил что-то неладное, потому что она стала оправдываться: «Да никого тут нет! Я одна! Я по тебе скучаю! Я тебя люблю!»

В конце концов, она бросила трубку, и именно в этот момент мы оба испытали оргазм. Арнольд перезвонил, и Эля врала опять: «Да откуда я знаю?! Что-то сорвалось, я же не виновата!..»

* * *

У Эльки подоспел срок защиты диплома, ее группа отмечала это дело в сауне. Она позвала туда меня. Я весь был, как взведенная пружина, и, хотя по дурости мы пили в сауне много пива и даже водку, не хмелел. Точнее, захмелел, но лишь настолько, чтобы опрометчиво начать уговаривать ее бросить Арнольда. Но Эля-то наклюкалась порядочно, и на очередной мой пассаж отреагировала раздраженно:

– Что тебе от меня надо?! Отстань ты, наконец! Вон, лучше Ленку Базарову трахни, у нее фигура в сто раз лучше моей.

Фигура у Ленки Базаровой была действительно классная. Точеная, с высокой грудью. Со злости я ответил:

– И трахну, если ты настаиваешь!

Я начал обхаживать Ленку, и вскоре мы уединились с ней в спортзале (сауна находилась в спорткомплексе). Я развернул ее простынку, гладил ее грудь… Но у меня элементарно не было эрекции. Впервые в жизни. Мы провалялись с Ленкой на матах целый час, я так ничего и не сумел, как мы оба ни старались.

Шутливо пообещав Базаровой когда-нибудь «расплатиться по счету», я отправился искать Эльку и обнаружил ее в стельку

пьяной в раздевалке. Она спала на сваленной в кучу одежде. И тут у меня наступила такая эрекция, что выйти из раздевалки, оставаясь завернутым в простыню, я не мог. И дело не только в этом. Я так захотел Эльку, что не мог больше сдерживаться. Я всегда хотел ее, но теперь – особенно.

Я запер раздевалку и попытался растормошить Эльку. Бесполезно. Тогда я стал трахать «бездыханное тело» и занимался этим около часа. Элька так и не проснулась. Не приходя в себя, как зомби, она очень качественно отвечала на мои движения.

В связи с этой циничной сценой хочу задать читателю соответственно циничный вопрос. Если на красавицу Базарову у меня не встал, а на эту пьяную дуру стоял колом, не истинная ли это любовь?

* * *

… Так мы и жили эти двадцать дней – то у Беляевых, то у Арнольда. К концу этого срока я убедил Элю, что она должна вернуться ко мне. Она просила у меня единственную поблажку:

– Я должна его встретить в аэропорту, я обещала. Нельзя же быть конченой свиньей. Он ни в чем не виноват. Я встречу его и все ему объясню.

Я отмалчивался, хотя мне это не нравилось. И вот настал этот день. Мы сидели с Элей в ресторане «Сибирь».

– Все, пора, – сказала она, в очередной раз глянув на часы, – я должна ехать.

– Слушай, а может не надо? – предложил я. – О какой вежливости ты говоришь? Ты решила бросить мужчину, который тебя любит. Как бы ты это не сделала, все равно ему будет больно. Я по себе знаю. Зачем тогда портить нервы себе? Если ты его не встретишь, ему будет даже легче. Это очень жестоко, говорить мужчине прямым текстом о том, что уходишь от него. Я, опять же, это по себе знаю.

– Ну-у, не уверена, – засомневалась Эля. – Так, по-моему, будет нечестно.

– Если хочешь честно, давай кинем монетку, – предложил я. – Будет решка, я сам отвезу тебя в аэропорт. Будет орел, едем ко мне.

– Давай, – согласилась она. – Только один раз. И если выпадет решка, ты уже не будешь пытаться что-то переиграть. Ты отвезешь меня в аэропорт и оставишь там. А завтра я сама приду к тебе.

Я согласился. Кинули монету. Выпала решка. Я, конечно же,

смалодушничал и стал пытаться переиграть, мол, «мы не должны вверять свою судьбу слепому жребию…», но только рассердил Элю этим. Я понял, что если буду настаивать, мы вновь поссоримся, и тогда она уже не появится у меня завтра. Я все время, все эти годы, боялся, что она не появится у меня завтра… Я перестал гнать пургу и пошёл ловить тачку.

Мы доехали до аэропорта, там я высадил Эльку, а сам вернулся в беляевскую квартиру. Начал трезветь и понял, какую ерунду спорол. Да приедет ли она ко мне завтра? А вдруг она снова все поменяет? А если даже не поменяет, то, что будет сегодня, когда она его встретит? Они поедут к нему? Она сразу скажет о своем решении вернуться ко мне, или сперва они будут трахаться?.. Такой вариант мне тоже болезненно не нравился.

Я не находил себе места. Я взял гитару и за час написал песню «Танцуй со мной». Говорят, это моя лучшая песня:

Не пытайся объяснить мне,
Я не пойму,
Не пытайся объяснить мне,
Мне все это знать ни к чему.

Танцуй со мной, танцуй со мной,
Будь прежней хоть сейчас,
Танцуй со мной, танцуй со мной,
Нежной хотя бы на час…

Но ты не слышишь, не слышишь мелодий
Песен, что написаны для нас…[10]

Потом я не выдержал, выскочил на улицу, поймал такси и назвал адрес Арнольда. Я ехал и думал: «Единственное, что я хочу сейчас – узнать, как они встретились. Если я зайду к ним и увижу, что они ссорятся, что она уже рассказала ему о своем решении снова быть со мной, я просто скажу: «Арнольд, извини, но так должно быть. Это моя женщина. Моя полностью. Я сам ее сделал. Мы оба натворили ошибок, но мы простили друг друга. Извини, что причинили тебе неудобство»… Я заберу ее, и мы поедем ко мне. Зачем ей оставаться там до завтра?

Если же я увижу, что они довольны и счастливы, я просто извинюсь и уйду. Ведь тогда будет ясно, что будущего у нас нет. Зачем мне такая лживая девка?

Или сперва мы обсудим эту ситуацию втроем и вместе примем какое-то решение – раз и навсегда»…

Чтобы легче было обсуждать, я остановил тачку возле

магазина и прикупил две бутылки коньяку.

И вот я добрался до знакомой двери Арнольда. Позвонил. Мне ответил мужской голос:

– Кто там?

– Это Элин друг, – отозвался я. – Она тебе рассказывала. Открой. Надо поговорить.

Пауза длилась минуты три. Потом замок щелкнул, дверь открылась. И я увидел их обоих в веселеньких мохнатых халатиках, явно только что привезенных Арнольдом из-за границы. Не только по одежде, но и по их лицам я понял, что вытащил их прямехонько из постели.

– Можно пройти? – спросил я.

– А надо ли? – усомнился Арнольд. У него вытянутое интеллигентное лицо. Очки. Похож на Леннона.

– Я же просила тебя: не надо сюда приезжать! – воскликнула Эля. И это была правда. Просила.

– Надо, надо, – ответил я и Арнольду, и ей, расстегнул куртку, разувшись, прошел в комнату, сел за стол и достал из дипломата коньяк. Попросил: – Дайте стаканчики.

– Я с тобой пить не хочу, – покачал головой Арнольд.

– Я тоже не буду, – сказала Эля.

– Вот как? Ладно, я выпью один. Дайте мне стакан.

Арнольд дал мне стакан. Я налил полстакана и залпом выпил.

– Значит, я вам мешаю? – спросил я, просто, чтобы что-то сказать.

Они настороженно молчали. И тут на полке книжного шкафа, возле стола, я увидел нож. Я даже вздрогнул, так как подумал, что это мой нож, и я оставил его тут, когда мы бывали здесь с Элей. Этот нож месяца три назад подарила мне Эля. Она привезла его из Китая, куда ездила за очередной партией челночного товара. Лезвие ножа – сантиметров двадцать с зубьями пилы сверху. Но почему я не заметил пропажи, я ведь ношу этот нож с собой?.. Я потрогал нагрудный карман куртки. Нет, мой нож при мне. Меня захлестнула обида. Значит, она привезла два одинаковых ножа, один подарила мне, другой – Арнольду?..

Наклонившись, я взял нож с полки.

Арнольд побледнел и слегка отодвинулся. Подумал, что я хочу ударить ножом его. Ничего такого я не хотел. Я вообще ничего не собирался делать, я просто хотел рассмотреть нож: действительно ли он такой, как у меня… И вдруг, неожиданно для себя самого, я сказал:

– Ладно, я больше никогда не буду вам мешать.

И, изо всех сил, держа нож двумя руками, ударил им себя в

живот. Я убивал безысходность и беспросветность ситуации. Лезвие погрузилось полностью. Я замер. Я понял, что убил себя, и тут же понял, что умирать-то я вовсе не хочу. Элька что-то закричала, заплакала и забилась в угол дивана. Арнольд вскочил: «Я вызову скорую!» – и вылетел из комнаты.

– Не вой, – попросил я Элю, – и без тебя очень больно. Налей мне лучше коньяку.

Она нацедила стакан, поднесла к моим губам, я осушил его.

Пару лет спустя я написал песню «Нож». Вот строчки оттуда:

… Он вызвал скорую, пока
Я пол-бутылки коньяка
Допил, что б не было так больно под ребром.
Потом наркоз меня не брал,
Врач резал час, потом сказал,
Что, мол, счастливчик я, что будет все путем…

Эти слова соответствуют действительности абсолютно, остальное неправда – чересчур романтизировано. Я помню, как меня везла «скорая», я держался за рукоять, торчащую у меня из живота, врач уговаривал меня отпустить ее, а я не соглашался. Каждое сотрясение машины на неровностях дороги причиняло мне боль.

Помню, как ругалась сестричка, натягивая перчатки, когда я лежал перед ней на операционном столе, а хирург еще не пришел:

– Вот же гад! Поспать не дал!

Она сделала мне укол. Восприятие стало меняться. Я ощутил, как мое «Я» стало расширяться и расширяться. Когда я почувствовал себя Космосом, я потерял сознание.

Чуть позже я пришел в себя. Я снова чувствовал себя собой, боль ушла, состояние было эйфорическим. Хирурга опять не было – куда-то вышел, а сестричка опять, наполовину в шутку, ругалась:

– Гад! Не мог так ударить, чтобы сразу сдохнуть, теперь возись тут с тобой всю ночь…

Я оправдывался:

– Миленькая, наверное, я не от хорошей жизни в себя ножик воткнул? Наверное, мне хуже, чем тебе? Так зачем ты ругаешься?

… Потом я очнулся в палате от боли. Во рту пересохло так, что не было слюны даже для того, чтобы просто сглотнуть. Я застонал. Подошла дежурная сестра. Я прошептал:

– Пить…

– Пить пока нельзя, – сказала она. – Вот блюдечко с водой, вот тампон. Смачивай губы.

Так я и лежал целый день, смачивая себе губы ватным тампоном, страдая от дикой боли при малейшем движении, мочась через катетер. Меня навестили менты, уговаривали сказать, кто меня пырнул, но я убедил их, что это я сам, и подписал какую-то бумагу. Вечером пришел врач. Я был поражен: это был друг моего брата Женя Белоусов.

– Женя, – спросил я, – кто меня оперировал? Ты можешь спросить у него, что со мной будет? Я умру или стану калекой?

– Я тебя и оперировал, – ответил он. – Ничего с тобой не будет. Такое впечатление, что ты в себя нож вогнал после долгих тренировок: не задет ни один жизненноважный орган, даже кишочка ни одна! Мяско подрезал, и все. Правда, чтобы в этом убедиться, пришлось тебя основательно располосовать, но это скоро заживет.

Я понял, что это предупреждение. Я понял, что Господь сказал мне: «Умирать тебе не время. Я даю тебе еще один шанс. Но если ты вновь устроишь что-то подобное, так легко уже не отделаешься».

Эльку пустили ко мне через пару дней. Она все время плакала. Сказала, что уж теперь-то она точно решила остаться со мной. Она кормила меня с ложечки манной кашей и приподнимала мой зад, когда я хотел пукнуть.

Через неделю я уговорил ее выкрасть меня из больницы на один вечер. Швы еще не срослись, на мне был бандаж, стягивающий живот. Но она помогла мне выйти и усесться в машину. Мы приехали в беляевскую квартиру… Мы ели жареное мясо, пили вино и даже ухитрились каким-то изощренным инвалидским способом потрахаться. Вечером она привезла меня обратно в больницу. Ночью я чуть не умер по-настоящему. Жареное мясо и вино вместо манной кашки + секс – всё это чуть не убило меня.

В результате этой вылазки я провалялся в больнице раза в два дольше, чем пророчили врачи.

Как я уже говорил в самом начале, тогда я был уверен, что когда-нибудь на основе истории наших с Элей отношений напишу Великую Книгу о Великой Любви. И кульминацией ее будет эпизод с суицидом… Теперь я понял, что не стану этим заниматься. Я что, единственный в мире человек, который любил? Или я единственный, кто мучился от невозможности быть с любимой, мечась между любовью и долгом? Да через это прошел, как минимум, каждый десятый. Или я единственный, кому изменила любимая? Или я единственный в мире человек,

совершивший суицидальную попытку на почве любовных мотивов? Таких – миллионы.

Так чем же ценна эта история? Только тем, что случилась она СО МНОЙ. И вовсе не обязательно писать об этом целую книгу. А если бы я все-таки написал ее, вряд ли она была бы великой. Хорошей – возможно. Скорее всего, она была бы похожа на какую-нибудь книгу Ремарка. Но у него и без меня книг полно.

Так я решил значительно позже. А тогда, в больнице, я говорил Эльке:

– Я хочу, чтобы мы были вместе, я хочу написать о нас книгу, и чтобы ее обложка была оформлена нашими фотографиями. Потому что мы – очень красивая пара… Боюсь, что это было неправдой: красивой из нас двоих была только она.

А еще я настрочил в больнице письмо Арнольду. Основная идея была такая: «Арнольд, ты не за свое ухватился. Мы с Элей живем по законам большой любви и большой литературы, лучше отойди, а то погибнешь, как чуть не погиб я…» Только Элька не передала ему эту записку. Кстати, она сейчас замужем за Арнольдом, они живы и здоровы, у них дочка. Так что ерунда это все.

Алма-Ата

Мысль о том, что куда-то нужно уехать, приходила мне в голову не раз еще до попытки самоубийства. Потому что жизнь стала странной. Именно «странной». Я бы употребил эпитет «невыносимой», если бы не любовь, которая делала выносимым все. Как сильное болеутоляющее. Несмотря на то, что счастливой любовью ее к тому времени назвать уже нельзя было.

Большую часть суток я проводил на работе, в редакции, затем – в пустой комнате, на матраце, сходя с ума от ревности… Мне хотелось взять Эльку за жабры и увезти куда-то далеко-далеко и снова заставить любить только меня. Хоть я и понимал, что это невозможно – вернуть то, что уже ушло, превратить ее в ту девочку, в которую я без памяти влюбился несколько лет назад…

Да и куда? Кому и где я нужен? И как я могу куда-то уехать, когда тут – двое пацанов нуждаются во мне?

И все-таки я наводил справки. Например, встретившись на «Аэлите» с Серегой Лукьяненко, я передал с ним записку его шефу Аркадию Кейсеру, который в тот момент взял в работу мою книжку «Бабочка и василиск». В записке я писал о том, что готов приехать в Алма-Ату, если мне будет предоставлена работа с небольшой зарплатой и жилье, что это мне совершенно необходимо, а потом я все отработаю.

Я тыкался по сторонам, как слепой котенок. Я даже поговорил с отцом. Искренне. Я сказал: «Батя, я никогда не говорил с тобой по душам. Но сейчас мне это очень надо. Ты ведь в курсе моей истории. Я женат, у меня двое детей, твоих внуков. Но я люблю не жену, а другую женщину. Без памяти. А она бросила меня. Как мне быть? Я хочу, чтобы мне ответил ты – мой батя, примерный семьянин, отец пятерых детей…»

Конечно, я ждал, что он скажет: «Юлий, есть долг перед детьми, есть честь и мораль. Любовь любовью, но мы не должны забывать об ответственности за других…» Я не знал, как отнесусь к этим его словам… Вместо этого он сказал мне: «Если поезд ушел, то его не догонишь. Есть много любителей гоняться за ушедшим поездом, и ты, похоже, из их породы. Беги. Поезда тебе не догнать, но если ты не побежишь, ты никогда не простишь себе это». «А как же дети?» – спросил я ошарашенно. «Мы о них позаботимся, – ответил батя, – за это не беспокойся». Он оказался прав: поезд я не догнал. Но я благодарен ему за этот совет.

Я позвонил Аркадию Кейсеру, который практически не знал меня, мы виделись с ним лишь дважды, и он сказал, что готов мне предоставить все, что я прошу… Почему? Не знаю.

Но я все тянул.

Однако страх все-таки заставил меня уехать. Страх смерти. Если все оставить, как есть, я снова что-нибудь сделаю с собой, и во второй раз мне уже не повезет так, как в первый. Я ведь знал теперь, что способен на такие выходки, и логика тут ни при чем.

Дети? А легче им будет от того, что я умру?..

Совесть? Пусть уж лучше болит совесть у живого человека, чем не болит у мертвого…

Выйдя из больницы, я в первый же день позвонил Аркадию: «Я еду». Но когда я оклемался окончательно, Элька вновь завела свою песенку про то, что «я еще ничего окончательно не решила…» Снова стала вести себя, мягко говоря, странно.

Хотя, что там странного?! Просто она снова стала встречаться и со мной, и с Арнольдом. Сука, по-другому и не назовешь. Но я продолжал безумно любить ее. Я оправдывал ее перед собой тем, что теперь она, хотя бы, скрывает от меня свои встречи с Арнольдом, значит, не хочет делать мне больно.

Я выследил ее. Сперва хотел закатить скандал, но удержался и спросил себя: «Что мне важнее, доказать, что она – сука, а я Белоснежка, или чтобы она была со мной?» И ответил сам себе: «Второе».

Я сказал ей о том, что мы едем в Алма-Ату. Она ответила, что не уверена, что хочет куда-то уезжать со мной из Томска. Она сказала так: «Я поеду с тобой, поживу недельку, посмотрю, как ты там устроишься, а потом уеду к Ленке в Одессу. Мне нужно ото всего отдохнуть, собраться с мыслями».

Я не стал настаивать. Я решил сделать так, чтобы из Одессы она не вернулась в Томск, а поехала ко мне в Алма-Ату. И, набравшись наглости, снова позвонил Аркадию: «Аркаша. Ситуация такая. Я приеду не один, а со своей девушкой. Отношения у нас с ней сейчас очень странные. Я хочу, чтобы она была со мной. Но она еще ничего не решила. Она поживет со мной неделю, а потом уедет. Ты поможешь мне произвести на нее впечатление? Чтобы она вернулась?»

Я бы на его месте насторожился. Я бы не стал связываться с ненормальным. Но Аркадий ответил: «Приезжайте. Эту неделю вы проведете с ней в раю. Потом все отработаешь». Чем я заслужил такое к себе отношение? Поражаюсь до сих пор.

У своего товарища Андрея Кахаева (того самого, в доме которого я когда-то ударил Эльку за то, что она целовалась с Валерой Килиным) я занял довольно крупную сумму, и мы полетели. Тогда я, кстати, впервые показал Эльку родителям. Они отнеслись к ней настороженно. Правда, мать шепнула мне перед самым нашим уходом: «Сразу бы нашел такую…»

В аэропорт мы приехали с двумя огромными сумками. Я тащил их, рискуя, что разойдется только-только заживший шов на животе. Но виду не показывал.

… И вот мы в Алма-Ате. Сходим с самолета. Я даже не уверен, что нас встретят. Садимся в автобус-прицеп, который везет пассажиров по взлетному полю от самолета к зданию аэровокзала. За воротами поля я вижу Аркадия, он машет мне рукой. «Все-таки встретил», – чувствую я облегчение.

На площади аэровокзала выясняется, что в этой встрече задействовано две иномарки, по тем временам – крутизна неимоверная. Нас Аркадий садит в «Оппель», сам садится в «BMW», и мы едем по сияющей вечерней Алма-Ате… «Ты тут такая важная птица? – удивляется Элька, – почему тебя так встречают?» Я делаю загадочное лицо.

Гостиница – номер «люкс». На столике возле кровати ваза с цветами и блюдо с фруктами.

– Ну все, располагайтесь, – говорит Аркадий. – Я по-по-пошел. (Забыл пояснить: Аркадий сильно заикается.)

– Подожди, – останавливаю я. – Объясни, во сколько я должен быть завтра на работе, и как туда добраться?..

– Не-не заб-бивай себе го-голову, – говорит он (больше не буду без особой необходимости изображать его заикание, буду писать так, как будто бы он говорит нормально). – Завтра мы едем отдыхать на Капчегай.

– А что это такое?

– Искусственное море. Пляжная зона.

И назавтра он повез нас на Капчегай.

Такой красивой бирюзовой воды я больше не видел нигде. Белый тонкий песок, шашлыки, сухое вино… Мы отдыхаем вчетвером: я, Элька и водитель Аркадия Вова с девушкой. Правда, «девушка» замужняя, а потому есть в наших парах некий дух аморального единения. Сам Аркадий с нами не поехал: «Дела»… Вова передал, что завтра на работу приходить еще не надо, это распоряжение «шефа».

«Ты чем тут будешь заниматься? – спрашивает Элька на второй день. – Почему мы все время отдыхаем?» Я делаю загадочное лицо. Вечером того же дня позвонил Аркадий: «Ложитесь спать сегодня пораньше. Завтра подъем в семь ноль-ноль. Едем на Иссык-Куль, на Медео»…

И вот так резвились мы всю неделю, иногда вдвоем, иногда с водителем Володей и его замужней любовницей, иногда в компании Сереги и Сони Лукьяненко, а иногда еще и с новым знакомым Валерой Смоляниновым. Это действительно была

неделя в раю. Потом я посадил Эльку на самолет – в Одессу. Улетала она слегка ошарашенная моей крутизной.

* * *

Прямо с аэропорта я приехал на свою будущую работу – в редакцию «Казахстанской правды». Нашел Аркадия.

– Ну вот, Юлий, – сказал он. – Теперь я доложу тебе все как есть. Мы – нищая контора. Коммерческий отдел государственной редакции. В Казахстане, как и во всей стране, катастрофически не хватает наличных денег. Газете нечем расплачиваться с сотрудниками. Мы – газета бюджетная, республиканская, потому деньги у нас есть, но они – безналичные. Наш отдел создан для того, чтобы превращать их в наличные. Сработаем один к одному – уже хорошо, наваримся, тридцать процентов навара – наши.

Да-а. А я-то уже решил, «коммерческий отдел» занимается реальной коммерцией. А оказалось, бред полный. Мы могли, например, купить где-нибудь по безналу вагон цейлонского чая за двадцать рублей килограмм и продавать его за… двадцать же рублей, только за наличные. И нам уже были благодарны. Такая, блин, коммерция.

Аркадий мог как угодно распоряжаться деньгами редакции. Лишь бы имелось обоснование, что тот или иной проект хотя бы вернет затраченные деньги. Выпуск моей книги «Бабочка и василиск» и пластинки «Vanessa Io» был лишь одной из подобных его затей, но он себя не оправдал.

Другой его затеей были казахские сувениры для иностранцев. Однажды, зайдя в его кабинет, я обнаружил, что тот весь уставлен небольшими юртами – сантиметров в пятнадцать-двадцать высотой, возле которых в различных позах застыли казахи-лилипуты и казашки-лилипуточки. Кому-то мнилось, что эти сувениры будут радостно скупать иностранные туристы. Сколько Аркадий грохнул на это редакционных денег, не знаю. Но маленьких казахов и казашек покупать никто не хотел. Как и их маленькие жилища.

Потихоньку куклы вместе с юртами переместились на менее видные места – на подоконники, на шкафы, на сейфы… А потом юрты и вовсе были свалены в одну кучу в углу, а казахских лилипутов сотрудники газеты ради шутки стали подсовывать друг другу в ящики столов, в шкафы, в сейфы и прочие неожиданные места.

Но это все потом. Вернемся к тому дню, когда я отправил Эльку в Одессу. Объяснив странную экономику своего

коммерческого отдела, Аркадий сказал: «А теперь поехали в гостиницу, надо тебе перебираться в дешевый номер…»

Меня переселили в малюсенькую, как пенал, пропахшую табаком комнатушку, и ту я целый месяц делил с молодым и сексуально ненасытным казахом-курсантом, который каждый день просил меня прийти попозже, где-нибудь в час ночи, так как у него будет очередная «телка». Он все время говорил: «Юлий, давай я тебе тоже кого-нибудь сниму, чего ты как монах живешь…» А я, ставя его в тупик, все время объяснял ему, что изменять любовнице, с которой я убежал от жены, и которая жила последнее время с двумя мужчинами, мне не позволяет чувство порядочности и верности.

Но я вновь отвлекся. Перетащив мои вещи в дешевый номер, мы с Аркадием поехали к нему – знакомиться с его женой Мариной.

Марина оказалась миловидной, полной и изумительно приятной в общении женщиной. После часа знакомства я в ней души не чаял. А началось оно так. Мы вошли в квартиру, разулись, прошли на кухню. Пахло вкусно и остро – жареным мясом, чесноком и пряностями.

– Ма-марина, – показал на жену Аркадий, которая с сигаретой в зубах стояла у плиты, – Ю-ю-ю-юлий, – показал он на меня.

– Кушать будете? – спросила меня Марина.

– Еще бы, – сказал я, – я голодный, как слон. Положите мне побольше, а то я сдохну!

И Марина просто расцвела:

– Ну, наконец-то Аркадий привел в дом нормального человека! – воскликнула она, наваливая мне в тарелку гору жареного мяса. – Как меня заебали эти интеллигентные Аркашины друзья. – Я слегка опешил от такого лексикона, она же, как ни в чем ни бывало, продолжала: – Бедная женщина готовит для них, не покладая рук! А они съедят кусочек и тарелку отодвигают. Ну, не пидорасы ли?

– Пидорасы, – согласился я неразборчиво, потому что рот у меня был уже забит.

Мясо было вкусное, острое, да под водочку. Марина уселась напротив нас с Аркадием и с умилением стала наблюдать, как мы едим. В этот момент на кухню залетел парнишка лет четырнадцати, как я догадался, сын Аркадия и Марины.

– Мама, помоги мне решить задачу… – начал он, но Марина его перебила:

– Антоша, милый, ты видишь, мама со взрослыми дяденьками пьет водку?

– Вижу, – кивнул тот, смущенно улыбаясь.

– Ну, так хульки ж ты лезешь?

– Понял, – ухмыльнулся сын. – Потом зайдешь?

– Потом и посмотрим, – сказала Марина. – А сейчас отъебись, пожалуйста, от мамочки.

Больше никогда в жизни я не слышал, чтобы кто-то еще матерился так мило и изящно, как Марина Кейсер, филолог по образованию и кинематографист по специальности.

Мы квасили до часу ночи. Марина сказала, что представляла себе Юлия Буркина совсем не таким. Оказывается, Аркадий предложил ей отредактировать мои рукописи, и она читала несколько моих повестей. «У меня сложился совсем другой образ их автора, – сказала она: – Этакий маленький лысый самовлюбленный еврей. Ты, Юлий, намного лучше своего лирического героя».

Потом они уложили меня в какую-то, по-моему, детскую, кровать.

Я проснулся. С удивлением обнаружил, что похмелья не ощущаю. Посмотрел на часы и понял, почему: я спал десять часов, было уже одиннадцать дня.

«Блин! – подумал я. – Проспал. Я опоздаю в первый же свой рабочий день. Какое обо мне составит мнение Аркадий? Хотя… Может, он тоже еще здесь?..»

Я поспешно оделся и вышел из комнаты. На кухне была Марина.

– Доброе утро, – сказал я.

– Да, – согласилась Марина. – Садись завтракать.

– Я, наверное, побегу, – помотал я головой, – и так уже опоздал.

– Мальчик, – сказала Марина. – Не выебывайся. Вот для тебя записка от начальства.

Она подала мне листок, и я прочел:

> *«Юлий. Вот тебе первое поручение по работе. Сиди у меня дома, а то Марине ужасно скучно. Попей с ней водки. Дождись меня, я тоже с вами выпить хочу.*
>
> *Заведующий коммерческим отделом газеты «Казахстанская правда» Кейсер Аркадий Михайлович».*

Подпись и печать.

Вот так начались мои трудовые будни в этом восхитительном городе.

Ода Алма-Ате

В Алма-Ате царил марсианский рай. Помню, как, сняв квартиру, утром я вышел на балкон и увидел, что сверху свешиваются гроздья абрикосов. Я нарвал полную тарелку, помыл их под краном и съел с неимоверным удовольствием. Это были самые вкусные абрикосы в моей жизни.

Однажды я шел по улице и увидел, как перед человеком в рваном залатанном халате остановилась роскошная иномарка. Из нее вышел молодой казах и сердечно обнялся с оборванцем. Они сели тут же, в открытом кафе и, непринужденно болтая, стали пить пиво.

Мне стало интересно, и я присел неподалеку. А потом не выдержал и подсел прямо к ним. Оборванец оказался столь же молод, что и «новый казахский». Я обратился к ним:

– Извините за любопытство. Я издалека, из Сибири. Я сейчас видел картинку, которая у нас просто невозможна. Вы – представители разных социальных слоев, а так радуетесь встрече, словно старые друзья…

«Новый казахский» ответил:

– А мы и есть старые друзья. Мы – одноклассники. Просто я пошел по европейскому пути: ставлю перед собой материальные цели, достигаю их, а затем лезу на следующую вершину. А он пошел по пути Востока: он самодостаточен, он не гонится за материальными благами и ищет Бога в себе путем самосозерцания. Мы любим и уважаем друг друга, мы даем друг другу то, чем богаты: я угощаю его пивом, а он делится со мной умными мыслями, которые помогают мне жить. И мы говорим друг другу: «Рахмет, дорогой»…

В первый же день в Алма-Ате на центральном, спрятанном от солнца под землю, рынке я увидел продавца кумыса. Я спросил:

– Это что, лошадиное молоко?

– Нет, – возразил тот, – лошадиное молоко пить нельзя, не выдержит желудок. Это продукт из лошадиного молока, его пить можно.

– Вкусно?

– А ты не пил?

– Нет, – признался я.

Казах налил себе стакан кумыса, выпил залпом, вытер губы и блаженно закатил глаза. Тогда и я купил стакан и тоже выпил его залпом.

Меня тошнило двое суток, из меня перла непрерывная отрыжка с запахом гнилой дыни, а про понос я уж и не говорю.

Вывод: и в раю нужно быть осторожным.

… В России устроили обмен денег на новые. Казахстан новые деньги напечатать еще не успел, здесь ещё ходили старые русские деньги. Их вагонами везли сюда со всего СССР, скупая на них все, что только можно. Инфляция была такая, что в течение дня цена на любой товар могла взлететь раз в сто. На приличных (вроде нашего) предприятиях зарплату давали ежедневно, по утрам, отпуская сотрудников сбегать по магазинам, чтобы они могли хоть что-то на эти деньги купить, так как к обеду эта сумма могла превратиться в ноль.

Я читал о такой инфляции у Ремарка в «Черном обелиске», но, честно говоря, считал ее плодом писательского вымысла, гротеском. Ничего подобного. Так бывает. Самое удивительное, что никогда, наверное, я не видел на улицах столько веселящихся людей, сколько видел их тогда в Алма-Ате. Потому что не было смысла хранить деньги даже час, нужно было срочно хоть как-то их потратить. И не было смысла думать о будущем: ни от кого в тот момент ничего не зависело.

… Решили с Серегой Лукьяненко поехать ко мне и выпить бутылочку коньяку, купленную в буфете «Казахстанской правды». По дороге зашли на базар, взять к коньяку лимон. Подошли к первому же торговавшему лимонами чуреку:

– Почем?

Чурек уточнил:

– Сколько?

– Один, один лимончик – почем?

– Восемьсот, – ответил чурек. Имелись в виду те самые старые советские рубли. Как бы то ни было, но мне показалось, что это – дороговато. Ну, максимум, шестьсот. Я знал, что торговаться на восточном базаре считается хорошим вкусом, потому решил сразу перегнуть палку, а потом уж продвигаться к консенсусу. Я сказал:

– Давай за двести?

Чурек внимательно посмотрел на меня. Чуть заметно улыбнулся и сказал:

– Давай.

… С коньяком и лимоном мы добрались до моего дома, за магазином товаров из Индии «Ганг». Вечерело. На одной площадке не горел свет, там стоял странно одетый бородатый мужчина. В чем его странность, я в потемках не понял. Не по сезону одет, что ли…

– День добрый, – сказал незнакомец.

– Здравствуйте, – отозвался я.

– Извините, у вас в квартире есть телефон?

– Есть.

– Вы разрешите мне позвонить?

– Пойдемте.

Мы двинулись дальше по лестнице, и благоразумный Серега зашептал мне в ухо: «Ты что, дурак, какого-то бомжа к себе пускаешь…» Но делать было нечего. Мы втроем вошли в квартиру, я включил в коридоре свет, посмотрел на незнакомца… Он был в платье… Нет, в рясе!

Незнакомец куда-то звонил. Дозвонился, стал выяснять, как ему добраться до места, куда он шел, но, по-видимому, заблудился.

Когда он закончил и положил трубку, я спросил:

– А вы, собственно, кто?

– Я, собственно, батюшка.

– Батюшка, – обрадовался я, – а вы коньяк пьете?

– Ну-у… – протянул батюшка, – если только в добром месте да с хорошими людьми…

– Мы хорошие, – заверил я, – вот, позвонить вам позволили. И место доброе…

Короче, бутылочку с лимончиком мы приговорили втроем – я, Серега и батюшка. Интересно было. А потом, уходя, он благословил этот дом.

Возможно, потому мне и жилось в нем так хорошо, и писалось легко. Например, с Серегой мы наваяли там трилогию «Остров Русь»[11]. Если вы читали, представляете, как нам тогда было радостно, несмотря ни на что.

Мимолетный рай в Одессе

Работа в коммерческом отделе была очень странная. Я не всегда понимал, чем, собственно, мы занимаемся. Мы, вроде бы, выпускали два журнала, но один из них так ни разу и не вышел, а другой выходил, но почти не продавался, его залежи прятались в укромных уголках редакции.

Мы торговали чаем – мелким оптом – и делали это самым, что ни на есть, первобытным способом. Я взваливал мешок на себя, спускался на лифте, выходил на городской рынок, который располагался как раз рядом с редакцией, и, поторговавшись, сбагривал этот мешок какому-нибудь чурке-продавцу по первоначальной же цене.

Мы сочинили телеигру, но так ни разу и не отсняли ее. Мы выпускали «газету для девочек «Мальвина», в которой Лукьяненко гордо числился «специалистом по связям»… Я и сам не отказался бы быть таким специалистом.

Однажды за бутылочкой «Сангрии» Аркадий сказал мне: «Об одном я жа-жалею. Что у казашек пи-пи-пизда, как у всех, а не поперек. Простить им этого не могу». В отличие от жены, он никогда не матерился, и эта фраза в его устах очень меня покоробила. Но я все-таки спросил: «Почему?». «Цены бы им не было на мировом рынке проституток, – объяснил Аркадий, – а так – ерундой маемся…»

… Я отпросился у Аркаши в Одессу, якобы в командировку – на неделю. То есть, я сказал ему, что мне нужно ехать в Одессу за Элькой, а он придумал мне тему командировки и отправил. Я приехал туда, имея в кармане пачку вошедших в Казахстане в обиход новых российских денег – командировочных. Но в тот момент уже на Украине происходила дикая инфляция, и оказалось, что с этими деньгами я – конкретный миллионер. Я мог себе позволить все, что угодно… Снял номер «люкс» в «Интуристе» и поехал к Эльке.

Поразительно, но она с порога бросилась мне на шею. Правда, она не встретила меня в аэропорту, но, по-моему, искренне огорчалась тому не меньше меня. Они с сестрой что-то не так вычислили со временем и думали, что я должен прилететь вечером. А я прилетел утром.

Она бросилась ко мне на шею, немножко поплакала и сказала, что все обдумала, что любит только меня и хочет жить только со мной. Мы бродили по Одессе, заглядывали в кафе, пили пиво с креветками, болтали. Мы были счастливы.

Вечером вчетвером – Я, Элька, Ленка и ее муж Мишек –

отправились в Отраду. Сидели за столиком с какими-то ребятами-яхтсменами. Краем уха я услышал их разговор о том, что, мол, так жить нельзя, нужно зарабатывать бабки катанием туристов на яхте. Я тут же предложил: «Начните сегодня же, с меня. Так как я – первый клиент, за полцены». Ударили по рукам, купили ящик сухого вина и отправились на яхту.

Элька смотрела на меня большими глазами. Я был крут. Откупить яхту на ночь для гуляния на море – это действительно было не хило. А обошлось лишь в треть той суммы российских рублей, которая была при мне.

Мы купались, сползая в море с кормы. Мы любовались закатом. Мы поднимали тосты друг за друга, и Ленка вдруг стала уверять, что я – лучшая для ее сестры партия…

Потом мы вдвоем с Элькой отправились ко мне в гостиницу. Мы что-то еще пили… Она уснула, а я решил прикупить еще вина – на утро. Вышел в ночную, незнакомую Одессу. Куда-то пошел. Обнаружил круглосуточный магазин. Там стояла небольшая очередь – человека три.

Когда подошла очередь парнишки передо мной, он протянул продавщице несколько купонов – этих смешных «временных украинских денег», которые печатали, по-моему, на туалетной бумаге. Он хотел купить банку консервированных бобов, самой дешевой пищи, какая только была в магазине, но ему и на это не хватало, и он слезно уговаривал продавщицу дать ему эти бобы с тем, что недостаток он занесет позже. Та и слушать его не хотела.

Я вытащил свой толстенный бумажник и купил пацану две банки этих бобов и две бутылки сухого вина впридачу. Себе я тоже взял две бутылки вина. Когда мы вышли из магазина, парень, не переставая, кричал мне дифирамбы: «Какой ты, дяденька, хороший!.. Если бы не ты, я бы умер с голоду!..» Одновременно с этим он с певучим одесским акцентом рассказывал мне какую-то нелепейшую историю своих житейских злоключений: «Меня, дяденька, посадили в тюрьму. Ни за что. Полгода продержали в КПЗ. А когда отпустили, оказалось, папа и мама не выдержали позора и повесились»…

Я прекрасно сознавал, что он «гонит», но настроение было такое, что ругаться не хотелось, и я его жалел. К тому же я заблудился, не знал, как добраться обратно до гостиницы, и он взялся проводить меня.

По ходу он несколько раз предлагал: «Дяденька, пойдем к тебе, выпьем с тобой, ты такой хороший человек, а у меня теперь – ни папки, ни мамки…» Я отказывался: «Меня в номере девушка ждет». Остатком трезвого сознания я соображал, что парнишка – жулик, и периодически проверял на месте ли бумажник. Он был

на месте – в заднем кармане джинсов.

Когда добрались до гостиницы, стали прощаться. «Спасибо тебе, дяденька!» – вскричал пацан в последний раз, порывисто меня обнял и скрылся за углом. Я потрогал задний карман. Бумажника не было. Я кинулся за угол. Пацана простыл и след.

… Прошел в свой номер. Элька спала. Выхлебал бутылку вина, достал сигарету, но оказалось, что у меня нет огня. Пошел по гостинице. Она была почти совсем пустой: для украинцев это было дорого, а иностранцев было немного.

Наконец, я наткнулся на какого-то негра и, держа сигарету в зубах, стал на ломаном английском и жестами объяснять ему, что мне нужен огонь. «Фаер! – говорил я ему и неприлично ударял пальцем о палец, – Гив ми фаер!» Он на ломаном русском пытался объяснить мне, что, мол, курить вредно. Так мне, во всяком случае, казалось, и я доказывал ему, что все равно хочется. В конце концов, он дал мне прикурить. Я вернулся в номер. В темноте сделал несколько затяжек. Удивился, какая же все-таки херовая сигарета. Вкус просто отвратный. Потушил ее и завалился спать.

Утром обнаружил, что прикуривал не той стороной: фильтр был скурен полностью. Стало понятно, что мне пытался объяснить иностранец. Наверное, я сумел таки доказать ему, что о вкусах не спорят: русские предпочитают курить с фильтра.

В связи с пустотой в карманах ощущение «миллионерства» закончилось. «Мы с товарищем вдвоем работали на дизеле…» Днем я продал на рынке цыганке обручальное кольцо. Этих денег мне хватило на несколько дней довольно скромной жизни в Одессе. Благо, паспорт с обратным билетом лежал не в украденном бумажнике, а в ящике гостиничного стола. Мои акции в Элькиных глазах сильно упали. И все-таки она уже не колебалась, возвращаться ей в Томск или ехать ко мне в Алма-Ату.

… Ленка и ее муж свозили нас к себе на дачу. Собственно, это была не дача, а старая глиняная мазанка на далеком приодесском хуторе. Мы прожили там неделю. Спали на каких-то старых матрацах, непрерывно купались в море, шагать до которого было метров двести.

По утрам мы шли к нашим деревенским соседям и по смехотворным ценам покупали у них овощи, фрукты, хлеб, яйца, молоко и вино. Все – свое, домашнее, безумно вкусное.

У нас не было электричества. Ночью вокруг царила мертвая тишь и полная темень. Только звезды, как глаза каких-то добрых зверей, пялились на нас.

Мимолетный рай в Алма-Ате

Итак, я вернулся в Алма-Ату, а вскоре ко мне приехала Элька. Был поздний вечер. Мы валялись с ней в постели, и вдруг нам безумно захотелось есть. Дома ничего съедобного не было, и мы вышли на улицу.

Ночная летняя Алма-Ата – чудо. Но еда в этом чуде отсутствовала. Мы уже впали в отчаяние, когда вдруг набрели на ресторан «Пана».

Денег на кабак у нас не было, и мы решили купить какой-нибудь еды на вынос. Вошли, спустились в подвальчик. Зал незримой границей делился строго на две половины. На одной половине гуляли люди с европейскими типами лиц, в другой – с азиатскими. Зато музыканты играли «And I Love Here».

Мы подошли к стойке бара и стали выяснять, что там есть. Переговоры с молоденькой казашкой сопровождались взрывами хохота, потому что еще никто и никогда ничего у них не покупал на вынос. Элька любит манты. Манты стоили дорого, я начал бессовестно торговаться. Сумел сбить ресторанную наценку. Оказалось, в кабаке нет ничего, во их можно было бы упаковать. В конце концов, мы выпросили у продавщицы две коробки из-под блоков сигарет и сгрузили манты туда. По пути домой купили в ларьке пепси и курево…

Мы шли сквозь великолепие ночной Алма-Аты, ели свежайшие ресторанные манты, доставая их из коробок, и запивали колой. Дышали горы, пахли дубы и каштаны. Элька была, как всегда, щемяще красива. А звезды таращились на нас точно так же, как в Одессе. Они только выглядят по-разному – в Алма-Ате, в Одессе, в Томске – но на самом-то деле это одни и те же звезды. Они всегда присматривают за нами, где бы мы ни были.

Животное

Именно тогда я придумал, что обязательно нужно вывести специальное домашнее животное, которое кричит не «мяу», не «ку-ка-ре-ку», а «хорошо!» Не важно, какое: покрытое шерстью, перьями или совершенно голое, бегающее на четырех ногах или на двух… Главное, чтобы оно кричало: «Хорошо!» Сидишь на кухне мрачный. Неприятности кругом. Достало уже всё. А оно влетает, кричит: «Хорошо!» и убегает… И у тебя на душе сразу легче становится.

Когда я про этого зверя рассказал Эльке, она пожала плечами:

– Так ведь ты и есть такое животное…

Еще чуть-чуть Алма-Аты

Серега и Сонька Лукьяненко сняли квартиру и завели кота, которого назвали Юлик. Сереге очень нравилось при мне сообщать Соне, что-нибудь вроде: «Представляешь, Соня, Юлик снова насрал в углу».

Тогда мы с Элькой завели черную кошку и назвали ее Сонька… Из тех же соображений. Вскоре хозяева попросили Серегу и Соню освободить квартиру, и они вынуждены были вернуться к родителям. А там – две собаки. Юлика они сдали на хранение нам. Кот и кошка быстро нашли общий язык. И вот тут-то мы оторвались. Например, Элька звонила Сереге и трагическим шепотом сообщала:

– Сережа. Юлик ебет Соню. Я ничего не могу с этим поделать. Извини…

* * *

Серега снова снял квартиру, и Новый год было решено встречать там. Мы, и прочие гости скинулись заранее. Тогда в новинку были импортные фруктово-ягодные ликеры и кремы, и на Новый год мы решили закупить их разновидностей двадцать. Чтобы пробовать то такой вкус, то другой… В результате все нахлобучились до полной невменяемости. Не помогли и пиццы, которые мы с Элькой готовили на закусь.

Мы проснулись с ней среди ночи от холода. Мы лежали голые на диване. Я жалобно позвал Серегу. Он вышел из соседней комнаты. Я попросил у него что-нибудь укрыться. Хихикая, он удалился. Затем, хихикая, принес нам тюлевые занавески. «Больше укрыться нечем», – объяснил он.

До утра мы с Элькой пытались согреться под этим тюлем. Утром же отрезвевший Серега, дико извиняясь, объяснял: «На самом деле одеял у нас навалом, но ночью мне почему-то показалось замечательной шуткой выдать вам для обогрева этот тюль…»

… Утром захотелось курить. Оказалось, что ни у кого нет ни спичек, ни зажигалки. Включили электрокалорифер, но спираль накаливания была слишком глубоко. Свернутая в трубочку бумажка только задымилась.

Придумали! Включили калорифер и раскалили его. Сунули в него бенгальский огонь. Тот заискрил. Пустили газ в газовой плите и искрящийся бенгальский огонь поднесли к конфорке. Газ

вспыхнул. От него и прикурили. Все-таки не зря мы пишем фантастику.

Вновь на квартире у любовника любовницы

Неожиданно Элька кинула меня. Пока я «работал» у Аркадия, она сидела дома, пекла мне пирожки или ещё что-то делала по дому. Мне такая жизнь нравилась. Ей, как выяснилось, не очень. Однажды она заявила, что ей нужно съездить в Томск. Она не сказала, «НАМ НУЖНО съездить», она сказала: – «мне нужно». Я завёлся: «Ты хочешь ехать одна?! Тебя там ждут?!»

И оказался прав. Через несколько дней после того, как я посадил ее на поезд, сказав что-то вроде – «можешь не возвращаться» – мне пришел счет с телефонной станции. Стало ясно, что ежедневно, пока меня не было дома, она подолгу разговаривала с Томском, с Арнольдом. Счета за прошлые месяцы она оплачивала сама, и я не мог узнать об этих разговорах раньше.

Я остался в Алма-Ате, а она вернулась в Томск. Я купил в буфете «Казахстанской правды» ящик коньяку. Вообще-то я не склонен к запоям, но тут решил с помощью коньяка перетерпеть обиду и разлуку. Думал: «Буду каждый вечер звать к себе друзей на посиделки, они мою тоску и развеют»… В первый же вечер я позвонил Лукьяненко, позвонил Смолянинову, позвонил Аркаше Кейсеру, еще кому-то… Дома – никого. Что же делать? Открыл бутылочку, выпил стакан. Потом еще… Вечером не смог уснуть, пока не высосал еще стаканчик. Утром чувствовал себя так паршиво, что сразу же «принял»…

Через неделю ко мне зашел Аркаша. Я открыл ему. Он посмотрел на меня дикими глазами. Я был опухший, заросший, вонючий. В квартире царил форменный бардак, и даже кошка Сонька выглядела несчастной.

– Что случилось? – спросил Аркадий.

– Элька уехала, – объяснил я.

– И ты запил?

Я рассказал ему, как все получилось.

– Сколько у тебя еще осталось? – спросил Аркадий.

– Две бутылки.

– Выпьем их сейчас вместе, – приказным тоном заявил он, – а завтра – как штык на работу. А с Элькой что-нибудь придумаем.

Я оценил его самоотверженность, и мы допили коньяк вместе.

Назавтра я пошел на работу. На полпути к остановке в голову пришла мысль: «Куда это я иду? На работу?.. Зачем? Что там хорошего? Что я вообще делаю в этом городе? Без Эльки…»

Внезапно кто-то отчетливо сказал мне прямо в ухо: «Надо выпить, и все исправится». Я огляделся, никого рядом со мной не было. Я понял, что это была настоящая стопроцентная слуховая галлюцинация, и сильно испугался. Бегом побежал на работу и стал усердно трудиться.

Я надеялся, что она вернется. Этого не произошло. Тогда в Томск поехал я. Как я и предполагал, она жила с Арнольдом. И он опять был в командировке. И мы опять стали жить с ней у него в квартире.

Поразительно, до какого извращенного наслаждения доводит любовь, растущая в ненормальных условиях. Жизнь приспосабливается ко всему, и в самых трудных обстоятельствах вырождается черт знает, во что, оставаясь жизнью. Как узловатые корявые березы в тундре. Как белесые грибы в пещерах…

Однажды я обнаружил в своей квартире полбанки шевелящихся белых полупрозрачных тараканов. Видно, давным-давно в банку упал беременный таракан, а выбраться не смог, так как стеклянные стенки внутри были покрыты каким-то скользким жиром. И они жили и плодились там, питаясь друг другом, мутируя, вырождаясь… Любовь остается любовью. Она всегда – наслаждение. Но в отвратительных условиях и наслаждение становится отвратительным.

Мы жили у Арнольда в квартире. Он снова был в Англии. Снова повторялось это дерьмо: он звонил ей оттуда, и Эля нежно разговаривала с ним, а я теперь уже специально стягивал с нее трусики прямо во время разговора. Она не могла убежать: не позволял телефонный провод. Она не могла бороться со мной: это услышал бы Арнольд, и она начинала заниматься со мной любовью, не прерывая разговора с ним, лишь изредка отстраняясь от трубки, чтобы издать стон или перевести дыхание. Наслаждение, отвратительное наслаждение, которое я получал при этом, было умопомрачительным, убойным.

«Девочка»

Все это должно было когда-то закончиться. Арнольд приехал. Мы с Элей продолжали встречаться. Ситуация перевернулась с ног на голову: теперь мне не нужно было ни от кого скрывать нашу связь, конспирация стала актуальной для Эльки. Встречались у меня дома, точнее – в доме моих родителей. Это было тягостно Эльке, это было тягостно мне, но мы ничего не могли сделать с собой. Она не хотела остаться со мной, но не могла и расстаться. Короче, продолжался все тот же ужас. Но я этого не понимал, я был по уши поглощен своей традиционной задачей: вернуть Эльку во что бы то ни стало.

Когда она в очередной раз решила, что больше со мной встречаться не будет, я придумал вернуть ее с помощью ревности. Я спросил ее лучшую подругу Таньку:

– Как ты думаешь, мы должны быть с Элькой?

– Должны, – сказала та.

– Тогда помоги мне вернуть ее.

– Как я могу помочь?

– Пусть она приревнует меня к тебе. Давай везде ходить вместе, и пусть пойдет слух, что у нас любовь.

– Я так не могу, – сказала умница Танька – Я не могу врать, что у нас что-то с тобой есть, если у нас ничего нет.

– Что же ты предлагаешь? – спросил я.

– Дурак ты, – сказала она. – Я не могу переспать с тобой «по заказу».

– Я тоже не могу, – признался я. И тут же придумал: – А давай так. Договоримся, что когда-нибудь мы обязательно переспим с тобой. Обязательно. Но не сейчас. А вести себя будем так, как будто это уже случилось. Так ведь легче?

– Легче, – согласилась она.

И мы стали вести себя на людях, как любовники. И через несколько дней Элька действительно примчалась ко мне. Она испугалась, что потеряет меня… Словно кошка, жалобно мяукающая в запертой комнате. Стоит ее выпустить оттуда, как она начинает тереться о дверь и проситься обратно…

Мы трахались, и она, имея в виду Таньку, приговаривала:

– А она так не умеет!..

Дружба между ними как-то сразу сошла на нет.

… Однажды мы лежали у меня в комнате, а я вдруг зачем-то спросил:

– Каким ласковым словом тебя называет Арнольд?

Она ответила:

– Чаще всего он называет меня «девочка».

Это поразило меня. Потрясло. Просто убило. Я столько раз слышал, как мой отец называл этим словом мою мать – «девочка». Они были идеальной парой, они нажили пятерых детей (я – младший), они никогда не повышали друг на друга голос, я ни разу этого не слышал, они любили друг друга десятки лет, и никого никогда не было между ними…

Это слово – «девочка» – сразу заставило меня отступиться.

Я никогда больше не искал с Элькой встреч, даже избегал их. Как-то позвонила ее сестра, которая приехала в Томск погостить: «Юля, у Эльки скоро свадьба, может, вам стоит повидаться?..» Мне очень захотелось этого. Встретиться, схватить Элю в охапку и никому не отдавать. Расстроить эту дурацкую свадьбу к чертовой матери… Но я сдержался, я сказал: «Нет, я не хочу». Года два мы не виделись совсем. Потом случайно встретились, но между нами случился лишь пустой, ничего не значащий разговор.

… Потом мы столкнулись с ней на дне рождения ее подруги Таньки, той самой, с которой мы договорились когда-нибудь переспать (и, кстати, чисто из принципа, выполнили этот договор), Элька плакалась мне, что жизнь у нее идет наперекосяк, что она до сих пор любит меня, что я ей снюсь… Я сбежал оттуда. Мне было не по себе. Это была не она, а какой-то другой, искаженный человек.

Кровожадный уролог и страшная обложка

Неожиданно левое яйцо у меня раздулось до размеров крупного грейпфрута. И очень болело. Я слег в больницу (кстати, в ту самую, где из меня извлекали нож). Уролог Латыпов ласково уговаривал меня согласиться на удаление, говорил: «Хватит тебе и одного», но я не соглашался. «Раньше надо было отрезать, – думал я, – может, я бы еще спасибо сказал…», а доктору говорил, что яйцо мне дорого, как память. Мне не могли поставить диагноз, пичкали таблетками и уколами, ничего не помогало.

Недели через три врач посоветовал попробовать водочные компрессы. Уже на второй день после того, как я последовал его совету, все прошло. Но когда еще через полгодика я пришел к урологу Латыпову на контрольное обследование, он, щупая уже здоровое яйцо, искренне сокрушался: «Надо было, надо было его все-таки отрезать…» Странные они, урологи.

Удивительно, но именно в тот период, когда яйцо мое было размером с грейпфрут, я отчего-то особенно активно занимался творчеством: заканчивал запись альбома «Королева белых слоников»[12] и писал продолжение повести «Королева полтергейста»[13]. Сплошные королевы. Впрочем, короли и сейчас не особенно занимают меня. В альбоме мы прописывали вокал. Мой друг, музыкант Марат забирал меня из больницы, вез на тачке в студию, и там я пел, лежа на полу, так как ни стоять, ни даже сидеть я не мог – было невыносимо больно. Так что, если, слушая песню «Нож», вы заметите в моем голосе истинную боль, знайте, вы не ошиблись.

Повести «Королева полтергейста» и «Королева в изгнании» вышли в неожиданной серии: «Детектив для дам». Когда я получил бандероль с авторскими экземплярами и вскрыл ее, у меня аж волосы на голове зашевелились: на обложке книги была фотография Эли… Когда пригляделся, понял: нет, не Элька, другая, ошеломляюще похожая на нее девушка. И не фотография, а очень точный рисунок.

Как художник, который ни ее, ни меня никогда в жизни не видел, вычислил ее внешность?

Катаев и «Битлз»

Я поехал в Свердловск получать тираж компакт-диска «Королева Белых слоников». Вышло так, что погода была моей самой любимой: немного солнца, немного прохлады, облачно, но светло. Я добрался до завода, позвонил в проходную, мне сообщили, что диск готов и уже отгружен в товарный вагон того самого поезда, на который у меня был обратный билет. Выходило, что я приехал зря, можно было диски встретить и в Томске.

Впервые за много дней я почувствовал себя абсолютно свободным: вне дома, вне забот, вне привычного окружения. Мне некуда было идти, мне нечем было заняться… Я двинулся в сторону вокзала. До отправления было еще несколько часов. По дороге я наткнулся на книжную лавку – за копейки продавали уцененные книги. Там я купил катаевский «Алмазный мой венец», который, к стыду своему, раньше не читал.

Купив три бутылки пива, я добрел до какого-то тенистого дворика, сел на скамейку и открыл книжку. Книжка оказалась удивительной. Я начал тихо тащиться. Пиво было на редкость вкусным.

Я не заметил, как прошло два часа. Я допил последний глоток пива из второй бутылки и оторвался от чтения. Вечерело. Сквозь матовую листву липы пробивались мягкие лучи. Неподалеку играли дети. Я подумал, что впервые за много лет мне хорошо.

Вдруг из окна над моей головой раздалась музыка. «Oh! Darling». Моя любимая песня «Битлз». И я понял, что мне не просто хорошо, я по-настоящему счастлив.

Я открыл третью бутылку пива и стал слушать дальше. Это был не какой-то конкретный альбом, это была подборка. Когда я прослушал пять или шесть песен мне захотелось пойти, позвонить в дверь человеку, выставившему в окно колонку, и познакомиться с ним. Потому что подряд звучали только мои самые-самые любимые песни. Но я, конечно, никуда не пошел.

Я прослушал всю подборку. Не было ни одной песни, которую я не считал бы у «Битлз» лучшей. На самом деле у них довольно много песен, в том числе и признанных хитов, которые я не очень люблю.

Музыка смолкла, окно закрылось. Как будто завершилась некая миссия. Как будто человеку было поручено продемонстрировать мне эти песни, напомнить, как я их люблю. Напомнить, что всякая пустота рано или поздно заполняется, и мне есть, чем ее заполнить[14].

Я вернулся к книге и дочитал ее до конца. Допил третью бутылку. Поставил ее на землю. Закрыл книгу. И подумал, что, наверное, никогда больше не буду уже так счастлив.

Хотя после я бывал счастлив. Но как-то не так.

Еще я подумал тогда: «Неужели отпустило?..»

* * *

Я жаждал любви. Были какие-то связи, но все время происходила прокрутка, как в сломанном велосипеде: педали крутятся, а сцепления нет. Была, правда, одна случайная, но очень милая девушка, которая мне запомнилась.

Я сказал ей:

– Ты целуешься, как котенок…

Она прищурилась и с шутливой ревностью воскликнула:

– Ага! Ты целовался с котятами!

* * *

Когда я опять увидел Эльку, то окончательно убедился: в ней не осталось ничего из того, что я любил. Пропал тот диковинный блеск в ее глазах, что приводил меня в трепет. Всё, чему я когда-то сознательно или неосознанно научил ее, выветрилось. Как собака, сменившая хозяина, она забыла привычки прежнего… Она стала чужой в чужих руках. Не плохой, а чужой. Нам стало не о чем говорить.

Теперь, наконец, я понял, что действительно ОТПУСТИЛО. И одновременно ощутил острое разочарование. Ведь я думал, это Великая Любовь, неподвластная времени… Хотя бы с моей стороны. Ан нет. Она все-таки кончилась. За нее я воевал со всем миром, а проиграл себе. Мне стало легче, но чувство безвозвратной утраты еще долго не покидало меня. Только в тот период моей жизни, когда в ней была Элька, все как-то связывалось воедино, нанизывалось на общую нить. А до и после – просто насыпано. Это факт. Он никак не умаляет прелести нынешней жизни. Но это факт.

Чуть позже я написал об этом песню… Странная штука. Эта любовь, даже умерев, заставляла меня писать о себе песни.

Смысл

… Какой она была… Кому-то из знакомых я рассказал, мол, встретил Эльку, и мне показалось, что она поглупела… А мне в ответ: «Да она всегда была недалекая, ты просто не замечал». А еще кто-то, когда она меня бросила, говорил мне: «Она всегда была меркантильной, я-то это видел…» Другой толковал, успокаивая: «Чего ты на ней зациклился, тоже мне красавица…» Всё это ложь. Когда мы только встретились, она была умницей, она была бескорыстной, она была красивой, обаятельной и талантливой во всем, за что бралась. Зиждилось все это на ее главном таланте – таланте любить. Я уверен, дело не в том, что я «застал ее в ее лучшие годы, взял от них все и вовремя смылся». Нет, она могла быть такой еще долго, очень долго. Такой, а может быть даже лучше…

Но случился какой-то сбой. Треснула какая-то шестеренка в механизме судьбы. Что-то пошло не так… Чего-то ей не хватило. Сил? Или терпения? Или веры в любовь? С другой стороны, можно ли осуждать человека, которого водили за нос пять лет, за то, что он перестал верить. Скорее, его надо пожалеть, ведь хуже от этой потери стало, прежде всего, ему самому. Талант подразумевает предельное самоотречение. Она не смогла любить до конца. Она предала свой ключевой талант, и все остальное тоже осыпалось.

Я не столь сентиментален, чтобы полагать, что для каждого человека в мире существует только одна половинка. Конечно же, есть варианты. Но я знаю, что с мы Элькой все-таки были созданы друг для друга. Это был оптимальный вариант для нас обоих. Мы убили любовь. Чем изрядно попортили себе карму.

Бедная, бедная Элька, бедная моя Манон Леско. Это была ее затея, а значит, ее или ее детей это еще ударит по-настоящему. Или уже ударило, я не знаю. Я участвовал в этом убийстве лишь косвенно. Можно даже сказать, что я, скорее, свидетель. Или даже представитель потерпевшей стороны. В большой степени я уже искупил свою вину перед Небом тем, что и сам чуть не умер вместе с любовью. Это утверждение может казаться спорным, но я знаю, что это так.

Да, это была одна из самых ярких страниц моей жизни, возможно. самая яркая. Но это не значит, что – самая главная. Детей я зачал до встречи с Элькой, а лучшие книги написал, уже расставшись с нею. Разве что песни… Но кто их слышал, эти песни?.. Самое ЯРКОЕ переживание для наркомана – кайф после

дозы героина. Но если он сможет СЛЕЗТЬ С ИГЛЫ, то ГЛАВНЫМ событием для него будет именно это.

Вот, что я понял: главное – свобода. В том числе и в любви. То, что окрыляет, вдохновляет, внушает веру в себя – это любовь. А то, что подавляет, влечет к гибели, делает тебя рабом, зомби, амоком – это одержимость. Это унизительно. В моем сердце и того, и другого было поровну. А полстакана меда на полстакана дерьма – коктейль не самый изысканный.

Не приведи Господи моим детям пережить что-нибудь подобное.

Довольно долго мне казалось, что моя душа умерла. А то, что продолжает ходить, разговаривать с людьми, совершать еще какие-то действия – лишь пустая, лишенная смысла, телесная оболочка. Но, спустя несколько лет, я вновь стал чувствовать душу внутри себя. Просто свою жизнь я стал делить на две половины – на «ДО ЭТОГО» и после. Как делит свою жизнь фронтовик – на «до войны» и после нее. Он не пожелает войны своим детям. Но какой-то, возможно, самой потаенной частичкой своего сердца, он всегда будет благодарен судьбе за то, что война в ней была. И за то, что он, несмотря на это, остался жив.

«Смысла нет вообще», – ответила мне толстая буфетчица одного подмосковного пансионата, когда я спросил ее, есть ли смысл ждать у барной стойки, когда сварятся креветки, или мне принесут их к столику.

notes

Примечания

1

burkin.rusf.ru/books.

burkin.rusf.ru/books.

3

Съезды фэнов. Иногда их называют «фестивалями фантастики», «конгрессами фантастов» или как-нибудь еще. Все эти названия имеют некоторые смысловые и сутевые оттенки, но в сущности все это – примерно одно и то же.

burkin.rusf.ru/books.

5

На самом деле была какая-то другая прибалтийская фамилия, но я ее не запомнил.

6

У Сереги Лукьяненко мне больше всего нравится повесть «Принцесса стоит смерти» – первая часть трилогии «Лорд с планеты Земля». Когда я ему однажды сказал об этом, он объяснил: «Дело в том, что эта повесть – развернутое признание в любви». Видимо, такие произведения обречены стать удачей.

7

Северск – небольшой закрытый ядерный город-спутник Томска

8

Имя не указываю по его личной просьбе

burkin.rusf.ru/music.

burkin.rusf.ru/music.

burkin.rusf.ru/books.

burkin.rusf.ru/music.

burkin.rusf.ru/books.

14

Я не помню этого точно, но сейчас мне кажется, что именно тогда меня посетила полуосознанная еще идея книги «Осколки неба». Не об Эльке, а о «Битлз». Я считаю ее своей лучшей книгой.